Assassin's Creed. Откровения

Автор:
Оливер Боуден

Assassin's Creed. Откровения

Оливер Боуден

Assassin's Creed #4

Прошли годы, но нисколько не потускнел блестящий ум Наставника, не утратил роковую силу и точность его удар. Эцио Аудиторе отправляется в эпическое путешествие, чтобы найти пропавшую библиотеку Альтаира, а заодно, быть может, и ключ к победе над тамплиерами, заклятыми врагами братства ассасинов. Путь ведет в неспокойный Константинополь, где растущая армия рыцарей ордена Храма угрожает Османской империи. Идя по следам своего великого предшественника Альтаира, Эцио должен в последний раз сокрушить тамплиеров. Ставки непрерывно повышаются, и то, что начиналось как паломничество, превратилось в гонку против времени.

Оливер Боуден

Assassin's Creed. Откровения

Oliver Bowden

ASSASSIN’S CREED: REVELATIONS

© И. Иванов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,

Тот дикий лес, дремучий и грозящий,

Чей давний ужас в памяти несу!

Данте. Божественная комедия[1 - Перевод М. Лозинского.]

1

В холодной чистой вышине парил орел.

Дальняя дорога утомила путника. Его одежду густо покрывала дорожная пыль. Он отвел глаза от летящей птицы, заставил себя встать, перелез через невысокую стену, сложенную из грубого камня, и замер, медленно обводя взором местность вокруг. Крепость стояла на высоком холме. Зубчатые горы с заснеженными вершинами служили ей дополнительной защитой. Сторожевая башня, увенчанная куполом, казалась зеркальным отражением второй башни, поменьше, стоявшей поблизости и используемой в качестве тюрьмы. Камни цвета ржавого железа, словно когти, цеплялись за основание этих башен с отвесными стенами. Путник видел их не впервые. Вчера, уже в сумерках, поднявшись на гору в полутора километрах отсюда, он сумел разглядеть их. Как

будто башни появились здесь по волшебству, соединив в себе силу строительного камня и близлежащих скал.

Наконец-то он добрался до цели своего путешествия. Путь сюда занял целый год. Дорога была длинной и утомительной, а погода – суровой.

На всякий случай путник прильнул к земле и замер, проверяя оружие. Он продолжал наблюдать за окрестностями, пытаясь уловить хотя бы признак движения.

Парапеты были пусты. Ни души. Резкий ветер крутил вихри снежинок. Похоже, место совершенно обезлюдело. Впрочем, таким путник его себе и представлял, когда читал о башнях. Однако жизнь научила его, что лучше всегда убедиться наверняка, и потому он старался не выдавать своего присутствия.

Никаких звуков, только ветер. И вдруг впереди и слева по склону скатилось несколько камешков. Путник напрягся, медленно приподнялся и вскинул голову. Через мгновение в правое плечо ударила стрела, пробив доспех.

Путник слегка пошатнулся, морщась от боли. Рука потянулась к застрявшей стреле. Он пристально вглядывался в нагромождение камней. Обрыв перед входом в крепость был не слишком высок, около шести метров, не больше, и служил еще одной внешней преградой. На его краю появился человек в выцветшем красном мундире, поверх которого был надет серый плащ и доспехи. Судя по знакам отличия, капитан. Непокрытая голова была обрита наголо. Во все его лицо тянулся косой шрам. Капитан открыл рот и не то что-то прорычал, не то торжествующе улыбнулся, обнажая мелкие неровные зубы. Они даже не пожелтели, а порыжели, как могильные камни на заброшенном кладбище.

Путник взялся за древко стрелы. И хотя ее зазубренная головка пробила металл доспеха, острие лишь поцарапало кожу. Выдернув стрелу, путник отшвырнул ее в сторону. Тем временем на обрыве, по обе стороны от бритоголового капитана, появилось больше сотни вооруженных людей. Все они были одинаково одеты и стояли, держа на изготовку оружие. Их лица скрывались под шлемами, однако черные орлы на мундирах подсказывали путнику, что это за люди и чего от них ждать, если он окажется у них в плену.

Как он мог попасться в столь простую ловушку? Должно быть, сказывается возраст. Ведь были приняты все меры предосторожности.

Он присмотрелся к их оружию. Мечи и алебарды, сочетающие в себе пики и топоры.

Путник отступил, готовый встретить противников, которые быстро спускались к нему, намереваясь окружить со всех сторон. Считая его своей добычей, они тем не менее не решались подойти ближе чем на длину алебарды. Путник чувствовал: даже при таком численном преимуществе они боятся. Ничего удивительного, слишком уж хорошо известна его репутация.

Путник шевельнул руками, выдвинув два узких серых, смертельно опасных клинка. Внутренне собравшись, он отразил первый удар. Похоже, его надеялись взять живым. Затем нападавшие ринулись со всех сторон, угрожая алебардами и пытаясь повалить его на колени.

Он резко повернулся, двумя точными движениями перерубил древки ближайших алебард и затем нашел одному из них лучшее применение – вогнал его в грудь владельца.

Противники приближались. Путник успел вовремя пригнуться – и острие пронеслось над его согнутой спиной, не добрав до цели каких-нибудь полпальца. Путник стремительно развернулся и левым клинком полоснул по ногам нападавшего, что стоял у него за спиной. Взвыв, солдат рухнул на камни.

Путник схватил алебарду, которая несколько мгновений назад едва не поразила его в спину. Топором он отсек обе руки у очередного противника. Отрезанные кисти взметнулись (скрюченные пальцы словно умоляли о пощаде), за ними красной дугой брызнули струи крови.

Решительные действия путника ненадолго задержали нападавших. Но они многое успели повидать на своем веку. Передышка была совсем короткой. Солдаты вновь ринулись на путника. Он взмахнул алебардой, и теперь ее топор глубоко вонзился в шею того, кто недавно готовился нанести опасному одиночке смертельный удар. Путник бросил древко и мгновенно убрал скрытые клинки. Освободившимися руками он схватил сержанта, размахивающего тяжелым боевым мечом, и швырнул в гущу наступавших солдат, предварительно завладев

его оружием. Путник обеими руками сжал эфес, чувствуя, как напряглись его мускулы. Оружие пришлось как нельзя кстати. Мечом путник раскроил шлем еще одного нападавшего, который посчитал, что сможет незаметно подобраться к путнику сзади.

Меч намного лучше годился для противостояния толпе противников, чем легкая кривая сабля, висевшая на поясе путника. Ее он раздобыл, добираясь сюда. А скрытые клинки были незаменимы для ближнего боя. Они еще ни разу не подвели своего хозяина.

Из крепости на помощь сражающимся уже бежало подкрепление. Сколько жертв понадобится врагам, чтобы справиться с единственным противником? Вскоре солдаты окружили путника. Но он перемахнул через чью-то спину, отразил удар меча тяжелым металлическим наручем на левой руке, после чего трофейным мечом ударил нападавшего.

И вдруг кругом все стихло. С чего бы это? Путник остановился, переводя дыхание. Когда-то он мог сражаться почти безостановочно. Он вскинул голову. По краю обрыва все так же стояли солдаты в серых кольчугах.

Но среди них путник неожиданно увидел необычного человека.

Он ходил среди солдат, а те словно не видели его. Молодой, в белом плаще. Покроем, но не цветом его одежда напоминала облачение путника. И совершенно такой же остроконечный капюшон на голове, наклоненный чуть вперед наподобие орлиного клюва. Путник открыл рот от изумления. Солдаты замерли. Лишь молодой человек в белом продолжал ходить среди них ровно, спокойно, невозмутимо.

Казалось, его окружали не вооруженные воины, а пшеничные колосья. Он держал себя так, словно сражение его ничуть не волновало или вообще не имело к нему никакого отношения. Была ли на плаще молодого человека такая же пряжка, как у путника? С той же эмблемой, что более тридцати лет невидимым клеймом лежала на сознании и жизни одинокого бойца? (У него было и другое клеймо, зримое, на безымянном пальце левой руки, полученное давным-давно.)

Путник на несколько секунд прикрыл глаза, а когда открыл их снова, видение (если это можно назвать видением) исчезло. Шум, запахи и опасность вновь окружили его, как и многочисленные противники. Они не жалели сил и жизней, и в какой-то момент он понял: их не одолеть и от них не сбежать.

Но теперь он не чувствовал себя совсем одиноким в стане врагов.

Однако времени на раздумья не было. Противники наседали – в равной степени злые и испуганные. Удары сыпались со всех сторон. Их было слишком много, чтобы отразить каждый. Путник отчаянно сопротивлялся. Он убил пятерых, затем еще десятерых. Но он сражался с тысячеглавой гидрой. Вперед вышел крепкий, рослый солдат, замахнувшись тяжелым мечом. Верный наруч отразил удар. Путник бросил свой меч, чтобы скрытым клинком на правой руке поразить нападавшего. Однако силачу повезло. Наруч погасил лишь часть силы удара, но остальной хватило, чтобы меч солдата, скользнув по металлу, срезал левый скрытый клинок. И как назло, в этот момент путник, потеряв равновесие, наступил на камень и подвернул себе лодыжку. Он ничком упал на землю и так и остался лежать.

Солдаты приближались со всех сторон, по-прежнему не решаясь подойти вплотную. Острия пик уперлись путнику в спину. Одно движение, и ему конец.

Но опасный одиночка не собирался умирать.

Послышался хруст камешков. Кто-то приближался. Приподняв голову, путник увидел над собой бритоголового капитана с багровым шрамом на лице.

Капитан откинул капюшон путника, вгляделся в лицо и улыбнулся. Его ожидания оправдались.

– Ага, к нам пожаловал сам Наставник. Эцио Аудиторе из Флоренции. Думаю, ты уже догадался, что мы тебя ждали. Представляю, какое потрясение ты испытал, видя старинный оплот твоего братства в наших руках. Но так было суждено. Невзирая на все ваши усилия, победа за нами! – Капитан выпрямился и приказал окружавшим его солдатам: – Отведите его в камеру. Но вначале наденьте кандалы и понадежнее их закрепите.

Солдаты подняли Эцио на ноги и опасливо, торопливо заковали в кандалы.

– Идти недалеко, а подниматься долго, – сказал ему капитан. – Теперь ты можешь только молиться. Утром мы тебя вздернем.

В небе высоко над ними продолжал парить орел. Однако никто из людей не следил за его полетом и не видел, насколько он красив и свободен.

2

Солнце, выбелив бледно-голубое небо, опустилось чуть ниже. Однако хищная птица целенаправленно продолжала свой полет. Тень от нее падала на камни и становилась такой же зубчатой, как они.

Эцио следил за орлом, глядя в узкое окошко, больше напоминающее бойницу в толстой каменной стене. Как и у хищника, его глаза находились в непрестанном движении. Мысли тоже не находили покоя. Он потратил столько времени, забрался в такую даль… Неужели ради такого бесславного конца?

Эцио стиснул кулаки. Его мускулы почувствовали отсутствие скрытых клинков – превосходного оружия, не раз выручавшего его.

Однако он знал, куда тамплиеры могли спрятать его оружие после того, как устроили ему засаду, пленили и приволокли сюда. Эцио мрачно улыбнулся. Эти солдаты – его давние враги. Как же их удивило, что у старого льва еще осталось столько прыти!

Он знал эту крепость. По рисункам и чертежам, накрепко врезавшимся ему в память.

Камера, куда бросили Эцио, находилась на самом верхнем этаже одной из башен великой крепости Масиаф – цитадели, некогда бывшей оплотом ассасинов, а затем долго пустовавшей. Теперь она оказалась в руках тамплиеров. Как и сам Эцио. Один, без оружия, еды или питья, в грязной, изорванной одежде. В любую минуту сюда могли войти его палачи. Но Эцио не собирался покоряться судьбе.

Он знал, зачем в Масиафе появились тамплиеры, и должен был им помешать.

Главное, он пока еще жив.

Эцио продолжал следить за орлом. Из узкого башенного окошка ему было видно каждое перо птицы, ярко-белое на конце. Он любовался орлиным хвостом, похожим на руль корабля. Цвет хвоста, белый с коричнево-черными крапинками, был схож с цветом седеющей бороды ассасина.

Пленник смотрел на полет орла, но думал о своем путешествии, мысленно возвращаясь к его началу.

В жизни Эцио хватало башен и парапетов. Например, парапет крепостной стены в испанском городке Виана, откуда он сбросил Чезаре Борджиа, и тот разбился насмерть. Было это в 1507 году от Рождества Христова. Всего четыре года назад, а кажется, словно прошло четыре столетия, настолько далекими стали те события. Потом были другие злодеи, другие претенденты на мировое господство. Все они появлялись и исчезали, и каждый искал тайну власти и тайну силы. А он, впервые ставший узником, нещадно боролся с каждым.

Вся жизнь Эцио состояла из битв.

Орел резко развернулся. Его движения стали сосредоточеннее. Эцио продолжал наблюдать за хищником. Он не сомневался: орел высмотрел добычу и теперь готовился упасть на нее камнем. Но какая жизнь может существовать в этих суровых местах? Впрочем, внизу, в тени Масиафа, находилась одноименная деревня. Здесь люди держали скот, возделывали клочки скудной земли. Скорее всего, орел высмотрел среди холмов, усеянных серыми камнями, дикую козу. Возможно, молодую и неопытную. Или старую и усталую. Не исключено, что и покалечившуюся на каменных кручах. Орел летел против солнца, и на мгновение его силуэт пропал в нестерпимо-ярком свете. Вновь появившись, он начал сужать круги своего полета. Вскоре он застыл в бескрайней небесной голубизне и вдруг с быстротой молнии ринулся вниз, исчезнув из виду.

Эцио повернулся к окну спиной и оглядел свою камеру. Деревянная койка; точнее, топчан, грубо сколоченный из досок. Ни подстилки, ни одеяла. Кособокий стул и стол. Никакого распятия на стене. А на столе – его обед в простой оловянной миске. Оловянная ложка застыла в холодной каше, к которой

Эцио не притронулся. Рядом с миской – деревянная кружка. Эцио очень хотелось пить, но он не сделал ни глотка. Есть ему тоже хотелось, однако он боялся, что тамплиеры подмешали в кашу и воду какое-нибудь зелье. Эцио знал о существовании снадобий, забирающих силу и туманящих разум. Тамплиеры вполне на такое способны.

Он вновь окинул свою темницу взглядом, но грубые каменные стены не давали ему ни успокоения, ни надежды. Ни один предмет в камере не мог служить подспорьем для побега. Эцио вздохнул. Ведь были же другие ассасины, знавшие о его миссии и хотевшие поехать вместе с ним. А он настоял, что поедет один. Возможно, не получив от него никаких известий, они отправятся по следам. Но будет уже слишком поздно.

Вопросов было всего два. Многое ли тамплиеры успели узнать? И многим ли успели овладеть?

Он был так близок к завершению – и надо же… такая внезапная и такая дурацкая остановка. Эту миссию Эцио задумал вскоре после возвращения в Рим из Испании. Там в середине лета он отпраздновал свое сорокавосьмилетие вместе с давними друзьями Леонардо да Винчи и Никколо Макиавелли. Торжество было недолгим и оказалось прощальным. Никколо собирался вернуться во Флоренцию, а Леонардо – в Милан. Художник нуждался в новом меценате и был готов принять давно предлагаемое ему покровительство Франциска – главного претендента на французский престол, – который предлагал Леонардо великолепный особняк в Амбуазе, на берегу Луары.

Вспомнив о Леонардо, Эцио улыбнулся. Голова этого человека всегда была переполнена самыми невероятными замыслами. Сегодня, сражаясь с тамплиерами, он лишился одного из скрытых клинков. Эцио вдруг почувствовал, как ему недостает старого друга. Только этому человеку он бы доверил починку клинка. К счастью, Леонардо послал ему чертежи нового устройства, названного парашютом. Римские умельцы изготовили новинку, и ассасин захватил ее с собой. Тамплиеры, конечно же, перешерстят его мешок, но вряд ли поймут назначение диковинки. А Эцио обязательно воспользуется парашютом при первой же возможности.

Если она у него будет.

Усилием воли Аудиторе прогнал мрачные мысли.

Но в камере действительно не было ничего, что сгодилось бы для побега. Нужно ждать, пока за ним явятся, чтобы повести на виселицу. Пока есть время, он должен продумать свои действия. В прошлом обстоятельства часто вынуждали его импровизировать. А пока необходимо дать отдых телу. Тело его не подведет. Перед поездкой он усиленно упражнялся, да и само путешествие было отличным упражнением, дополнительно закалившим его. А отдых ему не помешает. Очень хорошо, что после изматывающего сражения у него есть возможность отдохнуть…

Все началось с письма.

Папа Юлий II благоволил ассасинам. В свое время он помог Эцио победить коварное и могущественное семейство Борджиа. Пользуясь покровительством папы, Аудиторе перестроил и укрупнил римское гнездо братства, сделав это место своим главным оплотом.

В рядах тамплиеров наблюдался разброд, и особых хлопот они не доставляли. Эцио вполне мог передать дела братства в руки своей сестры Клаудии. Но ассасины не теряли бдительности. Они знали: тамплиеры обязательно оправятся, сплотят ряды и продолжат начатое. Только теперь они станут гораздо скрытнее в своих действиях, а их паутина разрастется. Цель у тамплиеров была все та же – поиск знаний и предметов неведомой древней цивилизации для получения невиданного.

Ассасины пока превосходили своих противников, но тамплиеров не стоило списывать со счетов.

Эцио успокаивало и обнадеживало то, что опасными знаниями он поделился лишь с Макиавелли и Леонардо. Только они знали, где упокоилось Яблоко – одна из Частиц Эдема. Этот странный предмет, позволявший управлять человеческим разумом, успел наделать немало бед и стать причиной многочисленных смертей. Повинуясь видению, Эцио спрятал Яблоко в тайном помещении склепа под церковью Святого Николая в Карчере. Потайная комната была надежно запечатана. На ее местонахождение указывали лишь священные символы братства. Заметить и расшифровать их смогут только ассасины будущего. Эцио

надеялся, что одна из величайших и опаснейших Частиц Эдема навсегда сокрыта от посягательств тамплиеров.

Правление Борджиа губительно сказалось на братстве. Многое приходилось разыскивать и возвращать, приводить в порядок или строить заново. Эцио без сетований взялся за эту кропотливую работу, хотя по натуре своей он был воином, привыкшим к простору и действиям. Сидение в архивах и поиски среди пыльных книг и свитков больше подошли бы Джулио – секретарю его покойного отца. Или тому же Макиавелли, склонному к ученым занятиям. Но Макиавелли тогда командовал флорентийским ополчением, а Джулио вот уже более тридцати лет как умер.

Скорее всего, не прояви Эцио ответственного отношения к этой рутинной работе, он бы и не обнаружил упомянутого письма. А если бы письмо нашел кто-то другой, то вряд ли догадался бы о важности написанного.

Письмо это хранилось в кожаном футляре, достаточно ветхом и потрескавшемся от времени. Его написал отец Эцио, Джованни Аудиторе, своему брату Марио. Дядя заменил Эцио казненного отца. Он обучил племянника воинскому искусству и еще тридцать лет назад (как давно это было!) посвятил Эцио в ассасины… Вспомнив о дяде, Эцио вздрогнул. Марио был жестоко убит Чезаре Борджиа при осаде Монтериджони.

Эцио многократно отомстил семейству Борджиа за своего дядю. Но письмо полувековой давности давало ассасину шанс отправиться с новой миссией. Письмо он обнаружил в 1509 году. В его возрасте судьба редко дарит людям такой шанс. Даже не шанс, а своеобразный вызов. Надежда, что успешное выполнение миссии навсегда лишит тамплиеров реальных возможностей установить власть над миром.

Палаццо Аудиторе

Флоренция

4 февраля 1458 г

Дорогой брат!

Силы, противоборствующие нам, становятся все могущественнее. В Риме появился человек, возглавивший наших врагов. Он обладает громадной властью и возможностями; это нам с тобой обязательно нужно принять во внимание и впредь не забывать. Посему считаю необходимым поделиться с тобой в высшей степени секретными сведениями. Если судьба меня переиграет, сделай так (при необходимости, ценой собственной жизни), чтобы эти сведения никогда и ни при каких обстоятельствах не попали в руки наших врагов.

Как ты знаешь, в Сирии находится старинная крепость Масиаф, которая некогда была основным оплотом нашего братства. Там свыше двухсот лет назад наш тогдашний Наставник Альтаир ибн Ла-Ахад – величайший ассасин – устроил библиотеку, расположив ее в подземелье.

Больше я не напишу о ней ни слова. Осторожность требует, чтобы все остальное я сообщил тебе при личной встрече. Записывать подобные сведения недопустимо.

Я бы сам с великой радостью отправился в путешествие, однако сейчас у меня нет на это времени. Наши враги напирают, и мы вынуждены отбиваться.

Твой брат

Джованни Аудиторе

Вместе с отцовским письмом в футляре хранился еще один лист пергамента со странным текстом. Почерк тоже был отцовским, но написанное представляло собой перевод какого-то старинного документа, по времени сопоставимого со страницами Кодекса, обнаруженного Эцио и его друзьями около тридцати лет назад. Текст на листе гласил:

Несколько дней я безотрывно провел наедине с артефактами. А может, уже несколько недель? Или месяцев? Время от времени кто-то приходит, предлагая поесть или спрашивая о чем-то. Сердце подсказывает: пора оторваться от этих опасных изысканий, однако мне все труднее и труднее возвращаться к своим привычным обязанностям. Малик с пониманием относился к моей работе, но

даже у него в голосе появились знакомые нотки раздражения. И все же я должен продолжать свои исследования. Я должен понять устройство Частицы Эдема, называемой Яблоком. Его свойство простое. Даже слишком простое: управление человеком. Человеческим разумом и волей. Но то, как все это происходит… средства и способы… ОНИ превосходят всякое воображение. Яблоко – воплощенное искушение. Тем, кто подпадает под власть его сияния, оно обещает исполнение всех желаний. Взамен Яблоко требует лишь одного – полного и безоговорочного послушания. У кого хватит сил на отказ? И я познал мгновение слабости. Это произошло во время сражения с моим Наставником Аль-Муалимом. Его слова поколебали мою уверенность. Человек, заменивший мне отца, впоследствии стал моим величайшим врагом. Ему было достаточно крохотной искорки сомнения, чтобы проникнуть в мой разум. Но я победил порожденных им призраков, восстановил уверенность в себе и оборвал его земную жизнь. Однако сейчас я задаюсь вопросом: разве я не повторяю его путь? Забыв про все свои обязанности, я сижу и отчаянно пытаюсь понять то, что намеревался уничтожить. Я чувствую: Яблоко – больше чем оружие; оно – орудие, позволяющее помыкать разумом других людей. Но так ли это на самом деле? Может, оно просто следует своему назначению и показывает мне то, чего я жажду сильнее всего? Знание… Всегда близкое и всегда недосягаемое. Манящее. Искушающее…

На этом старая рукопись обрывалась. Остальная ее часть была утрачена. Неудивительно: пергамент был настолько хрупким, что от малейшего прикосновения рассыпался под пальцами.

Читая отцовский перевод, Эцио почти ничего не понял, однако что-то в тех словах было странным образом ему знакомо – он ощутил странное покалывание в кончиках пальцев и даже на коже головы.

Покалывание повторилось и сейчас, стоило ему вспомнить про тот отрывок. Место для воспоминаний было весьма подходящим: Масиаф, тюремная камера в башне. В узкое окно светило заходящее солнце. Кончался день, который вполне мог стать его последним днем на земле.

Эцио мысленно представил себе лист старого пергамента. Вспомнил, как читал и перечитывал отцовские строчки. Решение отправиться в Масиаф возникло само собой.

Быстро темнело. Небо стало кобальтово-синим. По нему рассыпались точки звезд.

Без всякой причины Эцио вдруг вспомнил молодого человека в белом плаще. Можно было посчитать его призраком, игрой усталого воображения. Но интуиция подсказывала: молодой человек – не призрак. Он действительно ходил между тамплиерами и, что еще более странно, общался с Эцио.

3

На подготовку к путешествию Эцио потратил весь остаток года, прихватив и начало следующего. Он съездил во Флоренцию, посовещаться с Макиавелли, хотя и не стал рассказывать другу обо всем, что узнал. В Остии Эцио навестил Бартоломео д’Альвиано, который заметно растолстел от избытка добротной пищи и вина, но сохранил пылкость и неистовость характера. Правда, теперь Барто был уже не лихим командиром, а отцом семейства. За эти годы у них с Пантасилеей родилось трое сыновей, а месяц назад появилась дочка. Что он тогда сказал Эцио?

– Эцио, пора и тебе подумать о будущем! Никто из нас моложе не становится.

Эцио улыбнулся. Барто не сознавал собственного счастья.

К сожалению, ему не удалось съездить в Милан, но весь его арсенал находился в прекрасном состоянии: скрытые клинки, пистолет и металлический наруч. Не было времени уговорить Леонардо поработать над дальнейшим улучшением этого оружия. Впрочем, еще год назад сам художник, тщательно осмотрев арсенал Эцио, заявил, что дальше улучшать здесь нечего.

Оставалось убедиться в этом на практике.

Каждый приезд Эцио в родную Флоренцию пробуждал грустные воспоминания. Здесь погибли его отец и братья. Палаццо Аудиторе – их семейное гнездо – давно было разграблено и неумолимо разрушалось. Во Флоренции жила его первая и единственная настоящая любовь – Кристина Кальфуччи. Неужели

прошло уже двенадцать лет с тех пор, как она и ее муж погибли от рук фанатичных приверженцев Савонаролы? А теперь – еще одна смерть, о которой Макиавелли рассказал ему с явной неохотой. Вероломная Катерина Сфорца. Если встреча с Кристиной была для Эцио благословением, встреча с Катериной оставила глубокий шрам в его душе. Никому не нужная старуха в сорок шесть лет, бедная и всеми забытая. По словам Макиавелли, в ней уже давно не осталось ни прежней жизненности, ни прежней уверенности.

Правда, подготовка к путешествию не оставляла времени для горестных размышлений. В сборах пролетали недели и месяцы. Незаметно наступило Рождество, а сделать еще по-прежнему предстояло немало.

И вот, вскоре после Нового года, ко Дню святого Иллариона[2 - Празднуется 13 января.], Эцио завершил все приготовления. Он назначил день отъезда. Из Рима он отправится в Неаполь и дальше на юг, в город Бари, в сопровождении Бартоломео и его верных соратников.

В Бари Эцио рассчитывал сесть на корабль.

4

– Да хранит тебя Бог, брат, – сказала Клаудия в то последнее утро в Риме.

Оба встали еще затемно. Эцио решил выехать, как только рассветет.

– В мое отсутствие на тебя навалится столько дел.

– Ты во мне сомневаешься?

– Давно уже не сомневаюсь. А ты так и не простила меня за это?

Клаудия улыбнулась:

– В Африке живут большие звери, которых зовут слонами. Говорят, они ничего не забывают. Женщины в этом похожи на слонов. Но ты не беспокойся, Эцио. Я позабочусь обо всем, пока ты не вернешься.

– Или до тех пор, пока нам не придется избрать нового Наставника.

Клаудия не ответила. Ее лицо помрачнело.

– Я все думаю о твоей миссии. Почему ты едешь один? Почему я почти ничего не знаю о твоей цели?

– «Всех тот быстрее в путь идет, кто в путь идет один», – процитировал Эцио вместо ответа на первый вопрос. – Что касается моей цели… Я рассказал тебе про Масиаф. Кроме того, я оставил тебе отцовские документы. Если я не вернусь, открой их.

– У нас с тобой был один отец.

– Но эту ответственность он возложил на меня.

– Ты решил это за него, брат.

– Я – Наставник, – сказал Эцио, не найдя других доводов. – И это моя ответственность.

– Что ж, счастливого пути, – сказала Клаудия. – Пиши.

– Непременно. Во всяком случае, пока я еду до Бари, тебе не о чем беспокоиться. Барто и его люди – более чем надежная защита.

Но тревога не покидала лица Клаудии. Эцио это тронуло. Жизнь сделала его сестру сильной, суровой и даже жесткой женщиной, однако в ее сердце по-прежнему оставался уголок для нежно любимого брата.

Юг Италии находился под властью испанцев. Но король Фердинанд не забыл о своем долге перед Эцио.

– Обещаю тебе не ввязываться ни в какие стычки, – сказал он, прочитав мысли сестры. – Во всяком случае, пока не окажусь на месте. Пиратов, что рыщут вдоль северного берега Африки, мне тоже нечего опасаться. Мой путь лежит очень далеко от их любимых мест. После Корфу мы поплывем вдоль побережья Греции.

– Мне намного важнее, чтобы ты завершил то, за что взялся. За твою жизнь я не опасаюсь.

– Неужели? Что ж, спасибо за признание.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – улыбнулась Клаудия. – Из того, что ты мне рассказывал, а святая Вероника подтвердит, что твои рассказы были крайне скудны… нам важно успешное завершение твоей миссии.

– Потому я и еду туда сейчас. Надо успеть, пока тамплиеры снова не набрали силу.

– Хочешь перехватить инициативу?

– Типа того.

Руки Клаудии обняли его лицо. Эцио бросил прощальный взгляд на сестру. В свои сорок девять лет Клаудия оставалась удивительно красивой женщиной. В ее темных волосах не было даже легкой проседи, а страстность ее натуры с годами ничуть не померкла. Иногда Эцио жалел, что после смерти мужа Клаудии не встретился другой мужчина. Но сестра была предана их общему делу. Ей очень нравился Рим, и она не скрывала этого. При Юлии II город вернул себе прежнюю притягательность, и сюда из разных стран съезжались поклонники искусства и религиозные паломники.

Брат и сестра обнялись. Эцио вскочил в седло, заняв место впереди небольшого отряда. Пятнадцать вооруженных всадников под командованием Барто ждали сигнала, чтобы тронуться в путь. Тяжелый боевой конь д’Альвиано нетерпеливо месил копытами пыль. Замыкала процессию повозка, куда были сложены припасы для отряда. Весь скарб Эцио умещался в двух черных кожаных седельных сумках.

– Я добуду то, за чем отправляюсь, – сказал он Клаудии.

– У тебя это хорошо получается, – усмехнулась она.

Эцио уселся поудобнее, махнул рукой и тронул поводья. Барто подъехал к нему, и они вместе двинулись вдоль восточного берега реки, удаляясь от штаб-квартиры ассасинов на острове Тиберина. Их путь лежал к городским воротам, за которыми начиналась долгая дорога на юг.

Путь до Бари занял пятнадцать дней. Приехав туда, Эцио спешно распрощался со старым другом, намереваясь отплыть с первым же приливом. Он сел на корабль турецкой торговой флотилии, управляемой Пири-реисом[3 - Настоящее имя этого мореплавателя и картографа – Мухиддин Пири-бей. Окончание «реис» означает «адмирал».] и родственниками знаменитого капитана. «Анаан» представлял собой одномачтовый грузовой корабль с четырехугольным, «латинским» парусом. Эцио был на нем единственным пассажиром. Запершись в отведенной ему каюте, он вновь проверил свой арсенал: скрытые клинки, металлический наруч, позволяющий отражать удары вражеского меча, пистолет с пружинным взводом, изготовленный для него Леонардо, и еще несколько весьма необходимых приспособлений. Все они были сделаны по старинным чертежам, найденным на страницах Кодекса ассасинов.

Эцио путешествовал налегке. По правде говоря, он ожидал, что, добравшись до Масиафа, найдет крепость давно покинутой и пустой. И в то же время его настораживала скудность данных ассасинской разведки о действиях тамплиеров в эти дни относительного мира.

Пока корабль плыл на остров Корфу, Эцио было нечего опасаться. Пири-реис пользовался заслуженной славой среди капитанов Османской империи. Когда-то Пири и сам был пиратом, и потому его люди знали, как справляться с морскими разбойниками, если те все-таки дерзнут напасть на его судно. Эцио не раз задавался вопросом, суждено ли ему когда-нибудь увидеть знаменитого турка. Он знал о тяжелом характере Пири. Если их встреча состоится, Эцио надеялся на некоторую забывчивость адмирала, поскольку в свое время братству пришлось «освободить» Пири от нескольких его драгоценных карт.

Османские турки господствовали на землях Греции и большей части Восточной Европы. На западе их владения соприкасались с границами Венецианской республики. Такое положение устраивало далеко не всех, равно как и заметное присутствие турок в Европе. Однако Венеция, осознав безвыходность сложившейся ситуации, предпочла не осложнять отношения с мусульманскими соседями, дабы не лишаться доходов от торговли. Благодаря умелой дипломатии La Serenissima[4 - Светлейшая (ит.) – название Венецианской республики.] сохранила свое влияние на Корфу, Крите и Кипре.

Эцио понимал, что это долго продолжаться не может. Турки уже предприняли ряд враждебных вылазок на Кипре. Но султан Баязид был слишком занят распрями со своими ближайшими родственниками и не обращал внимания на западных соседей.

«Анаан» с его широкой мачтой и громадным белым парусом разрезал воду наподобие боевого меча. Невзирая на постоянные встречные ветры, корабль уверенно двигался вперед, и плавание по Адриатическому и Ионическому морям заняло всего пять дней.

На Корфу Эцио радушно принял местный губернатор – толстый итальянец Франко, предпочитавший называть себя Спиридоном по имени святого покровителя острова. Этот человек давно разочаровался в политике, предпочтя наслаждаться радостями жизни. На приеме был и капитан «Анаана». После угощения они с Эцио уединились на балконе губернаторской виллы. За пальмовой рощей на фоне бархатно-синего неба выделялась гавань. Эцио не хотелось искать другой корабль, и за еще один мешочек венецианских сольдо капитан согласился довезти его до Афин.

– Это конечный пункт нашего путешествия, – сказал ему капитан. – А туда пойдем вдоль берега. По этому маршруту мы плавали уже раз двадцать, и до сих пор обходилось без приключений. Оттуда можно легко найти корабль до Крита, а то и до самого Кипра. Когда приплывем в Афины, я познакомлю тебя со своим шурином Ма-муном. Он ведает отправкой грузов. Он тебе поможет.

– Крайне признателен, – сказал Эцио.

Он надеялся, что капитан не бросает слов на ветер. «Анаан» вез в Афины драгоценные пряности. Отец Эцио был одним из крупнейших флорентийских

финансистов и рассказывал, какой желанной добычей для пиратов являются подобные грузы. Искушение напасть на «Анаан» может оказаться столь велико, что морских разбойников не остановит даже страх перед именем Пири-реиса. Эцио решил не полагаться на удачу. Он знал: в сражениях на корабле успех решает быстрота и легкость маневра. На следующее утро ассасин навестил местного оружейника и купил кривую саблю из закаленной стали, сторговав ее за сотню сольдо.

– Для подстраховки, – сказал себе Эцио.

Еще через день, на рассвете, «Анаан» продолжил плавание, воспользовавшись высоким приливом. Попутный северный ветер сразу же надул парус корабля. Судно пошло на юг. Слева по борту, в полутора километрах, тянулся берег. Серо-голубые волны искрились на солнце. Теплый ветер приятно ерошил волосы. Однако Эцио никак не мог заставить себя расслабиться.

Все случилось, когда они прошли южную оконечность острова Занте. Желая увеличить скорость корабля, капитан решил немного удалиться от берега, где напор ветра был сильнее, а неспокойные воды – глубже. Солнце клонилось к горизонту, и смотреть в том направлении можно было, лишь сощурившись. Матросы измеряли скорость, опуская лаг с правого борта. Эцио наблюдал за их действиями.

Позднее, вспоминая случившееся, он так и не мог сказать, что именно отвлекло его внимание. Возможно, морская птица, покачивающаяся на волнах. Так ему показалось вначале. Но очень скоро он понял: это никакая не птица, а парус. Даже два паруса. С запада, используя солнце как прикрытие, к «Анаану» стремительно приближались две галеры.

Капитан «Анаана» даже не успел объявить тревогу. Пиратские галеры подошли к судну с обоих бортов. Забросив абордажные крюки, пираты быстро полезли по веревкам на палубу корабля. Эцио в это время спешил на корму, в свою каюту, где хранился его арсенал. К счастью, сабля была при нем, и он устроил ей первое боевое испытание, прорубившись через пятерых берберских пиратов.

Тяжело дыша, он быстро пристегнул металлический наруч и пистолет. Сабля уже показала свою надежность, и Эцио не стал заменять ее скрытыми клинками, которые оставил в каюте, надежно спрятав.

Он вклинился в гущу сражения: знакомо звенело оружие и уже пахло первой кровью. На корабле начался пожар. Ветер, как назло изменивший направление, угрожал разнести огонь по всему судну. Эцио приказал двум ближайшим к нему матросам тушить пожар. В этот момент один из пиратов, повиснув на снастях, собрался прыгнуть на Эцио сзади. Матрос окрикнул ассасина – тот мгновенно повернулся и выдвинул пистолет, прикрепленный к правой руке. Выстрелил не целясь – времени не было – и тут же отпрыгнул в сторону. Тело убитого пирата шумно рухнуло на палубу.

– Быстро гасите пламя, пока оно не расползлось! – крикнул матросам Эцио. – Если корабль загорится, его уже будет не спасти.

Эцио расправился еще с тремя или четырьмя берберами. Он понимал: если пираты захватят судно, он станет их главным и единственным противником. К нему подскочил пиратский капитан – угрюмый верзила с английскими кортиками в каждой руке. Кортики наверняка были захвачены у кого-то из прежних жертв.

– Сдавайся, венецианский пес! – рявкнул пират.

– Твоя первая ошибка, – спокойно ответил ему Эцио. – Никогда не оскорбляй флорентийца, принимая его за венецианца.

Вместо дальнейших слов пиратский капитан нанес Эцио сильнейший удар левой рукой, от которого у ассасина зазвенело в голове, однако он предвидел этот удар и загородился левой рукой. Кортик чиркнул по металлу наруча, что стало для вражеского капитана полной неожиданностью – пират покачнулся, теряя равновесие. Эцио подставил ему подножку, и капитан полетел прямо в трюм.

– Эфенди[5 - Эфенди – титул и офицерское звание в Османской империи и некоторых других странах Востока в XV–XX столетиях. (Примеч. ред.)], помоги! – захлебываясь, вопил капитан. – Я не умею плавать!

– Самое время научиться, – ответил ему Эцио и уложил еще двоих пиратов, пытавшихся напасть на него сзади.

Краешком глаза ассасин видел, что матросы «Анаана» успешно справляются с пожаром, черпая воду из резервуара ведрами, спущенными туда на веревке. К двоим, начавшим тушить огонь, присоединилось еще несколько их товарищей.

А в это время в кормовой части корабля продолжалась отчаянная схватка, и пока положение было явно не в пользу матросов «Анаана». Пираты, конечно же, не желали, чтобы корабль сгорел. Тогда они останутся без добычи. Потому они и не мешали корабельным матросам тушить огонь, сосредоточившись на захвате самого судна.

Эцио лихорадочно искал решение. Команда «Анаана» значительно уступала пиратам по численности. Все матросы были крепкими и решительными, но сражаться по-настоящему они не умели. В носовой части на глаза ассасину попался люк, открыв который он обнаружил небольшой склад факелов. Схватив один, Эцио бросил его в догорающий огонь, а когда факел вспыхнул, со всей силой швырнул в пиратскую галеру, что стояла неподалеку. Он повторил свой маневр, воспламенив и вторую галеру. Когда пираты на борту «Анаана» спохватились, оба их судна вовсю пылали.

Замысел Эцио удался. Пиратам стало не до добычи. Видя, что их корабли горят, а капитан исчез, они бросились к абордажным крючьям. Ободренные матросы «Анаана» преследовали их и атаковали всем, что оказалось под рукой: палками, мечами, тесаками, крючьями.

Через пятнадцать минут все было кончено. Матросы перерубили веревки абордажных крюков и баграми оттолкнули пиратские галеры подальше от своего судна. Капитан торопливо отдавал приказы, которые столь же торопливо выполнялись. Вскоре на «Анаане» остались только тела убитых пиратов. Когда угроза миновала, матросы принялись драить палубу, отмывая следы крови. Тела убитых сложили штабелем. Эцио знал, что религия запрещает мусульманам выбрасывать мертвецов в море. Оставалось надеяться, что плавание до Афин не будет долгим.

Потом из резервуара вытащили насквозь промокшего пиратского капитана. Вид у него был жалкий.

– Советую очистить воду, – сказал Эцио капитану, когда главаря пиратов заковали в железо и увели.

– У нас в трюме достаточно бочек с питьевой водой. До Афин хватит.

Капитан полез в сумку у себя на поясе и достал кожаный мешочек.

– Это тебе, – сказал он, протягивая мешочек Эцио.

– Что это?

– Деньги. Я возвращаю тебе плату за проезд. Это самое малое, что я могу для тебя сделать, – сказал капитан. – Когда прибудем в Афины, я позабочусь, чтобы о твоем подвиге узнали все. А что касается твоего дальнейшего путешествия, можешь не беспокоиться. Я все устрою.

– Не надо нам было расслабляться, – сказал Эцио.

– Ты прав, – согласился капитан. – Возможно, человеку вообще никогда нельзя расслабляться.

– И ты прав, – с грустью ответил ему Эцио.

5

Эцио бродил по улицам Афин, любуясь памятниками и храмами золотого века Греции. На его родине эту великую культуру прошлого открывали заново, и она вызывала благоговейное восхищение. Сейчас он собственными глазами видел статуи и здания, восхищавшие его римских друзей Микеланджело Буонаротти и Донато Браманте. Надо отметить, что даже под властью турок нынешние Афины процветали. Правда, иногда в глазах греков ассасин ловил гордое презрение к завоевателям. Что касается его самого, семья Мамуна – шурина капитана – устроила пышное празднество в его честь, осыпала подарками и уговаривала погостить подольше.

Эцио так и так пришлось задержаться в Афинах дольше, чем он рассчитывал. Причиной тому были необычные для этого времени года бури, бушевавшие в Эгейском море к северу от острова Серифос. Афинская гавань Пирей оказалась закрыта на целый месяц, если не больше. Таких бурь в конце зимы не помнил никто. Уличные прорицатели вновь забубнили про скорый конец света, как и

накануне 1500 года. Эцио сторонился подобных разговоров. Недовольный задержкой, он изучал привезенные с собой карты и записи и безуспешно пытался разузнать хоть что-то о тамплиерах, действовавших к югу и востоку от Греции.

Семья Мамуна устроила несколько торжеств в честь Эцио. На одном из них он познакомился с далматинской принцессой. Однако дальше легкого флирта дело не пошло. Сердце Эцио так и осталось в затворничестве, где пребывало уже длительное время. Себе он говорил, что давно перестал искать любовь. Ни собственному дому (настоящему дому), ни семье не было места в жизни Наставника ассасинов. Эцио кое-что знал о жизни своего далекого предшественника Альтаира ибн Ла-Ахада. Тот дорого заплатил за то, что позволил себе иметь семью. Отец Эцио оказался немногим удачливее Альтаира.

Наконец ветры улеглись, море успокоилось, и бури сменились прекрасной весенней погодой. Мамун устроил ему поездку до Крита. Затем тот же четырехмачтовый когг «Кутейба» должен был доставить Эцио на Кипр. На одной из нижних палуб по обоим бортам стояли десять пушек. Дополнительные орудия располагались на носу и корме. Помимо треугольных парусов, грот- и бизань-мачты были оснащены квадратными парусами европейского типа. На случай полного штиля под оружейной палубой находилась гребная – по тридцати весел с каждого борта. К одному из них был прикован пиратский берберский капитан, которого Эцио искупал во время нападения на «Анаан».

– На этом корабле, эфенди, тебе не будут грозить никакие опасности, – сказал Эцио Мамун.

– Я восхищен этим судном. Похоже, оно строилось по европейским чертежам.

– Наш султан Баязид очень ценит все красивое и полезное, что есть в вашей культуре, – ответил Мамун. – Мы могли бы многому научиться друг у друга, если бы только захотели. – (Эцио кивнул.) – «Кутейба» повезет нашего афинского посланника на важную встречу в Никосии. Через двадцать дней корабль должен прийти в Ларнаку. Остановка в Ираклионе будет краткой, только для пополнения запасов воды и продовольствия.

Они с Мамуном сидели в его конторе, попивая шербет.

– А я тебе кое-что приготовил, – вдруг сказал Мамун.

Турок подошел к тяжелому, окованному железом шкафу, что стоял возле дальней стены, открыл дверцу и достал карту.

– Любые карты драгоценны, но эта – мой особый тебе подарок. Это карта Кипра, составленная и вычерченная самим Пири-реисом. Ты же пробудешь там некоторое время.

Эцио попытался самым вежливым образом возразить – не против подарка, а против задержки. Однако Мамун лишь поднял руки и улыбнулся. «Чем дальше на восток, тем меньше у людей понимания спешности», – подумал Эцио.

– Я понимаю, – продолжал Мамун. – Тебе не терпится поскорее попасть в Сирию. Но «Кутейба» сможет довезти тебя только до Ларнаки. А там мы позаботимся о твоем дальнейшем плавании. Не беспокойся. Ведь ты спас «Анаан». Должны же мы надлежащим образом отблагодарить тебя за это. Скажу без хвастовства: никто не доставит тебя в Сирию быстрее нас.

Эцио развернул карту. Она и впрямь была превосходной и очень подробной. Если бы ему предстояло задержаться на острове, она сослужила бы ему верную службу. Из материалов, найденных в отцовском архиве, он знал, что ассасины всегда проявляли интерес к Кипру. В их извечной борьбе с тамплиерами этот остров играл важную роль. Вполне возможно, что там он найдет какие-то подсказки, которые ему помогут в основных поисках.

Увы, природные стихии опять вмешались в человеческие замыслы. Плавание оказалось куда продолжительнее. После трехдневной остановки в Ираклионе, едва «Кутейба» покинул Крит, ветры вновь принялись свирепствовать. Правда, это были уже другие ветры, прилетавшие с северного побережья Африки – теплые, неистовые. «Кутейба» мужественно противостоял им, но корабль постепенно относило к северу, к цепи островов и островков архипелага Южных Спорад. Бури утихли только через неделю, пожав урожай человеческих жизней. На корабле погибло пять матросов и бесчисленное количество галерных гребцов. Те просто захлебнулись, когда залило нижнюю палубу. Все это вынудило капитана зайти в гавань острова Хиос. Наконец-то Эцио сумел

высушить и очистить от следов ржавчины свое оружие. Удивительно, но за столько лет металл его клинков, пистолета и наруча ничуть не потемнел. Одно из многих таинственных свойств сплавов, о которых Леонардо безуспешно пытался ему рассказать.

Вместо обещанных Мамуном двадцати дней «Кутейба» добралась до гавани Ларнаки только через три месяца. Драгоценное время было упущено. Посланник заметно исхудал, поскольку страдал морской болезнью. Важная встреча, на которую он торопился, давно прошла. Едва прибыв на Кипр, он тут же начал хлопотать о возвращении в Афины. Он выбрал самый прямой путь, вознамерившись, где только возможно, ехать по суше.

Эцио сразу разыскал отправителя грузов по имени Бекир, о котором узнал от Мамуна. Бекир встретил его радушно и даже почтительно. Великий Эцио Аудиторе. Знаменитый спаситель кораблей! В Ларнаке только о нем и говорили. Что же касается путешествия в Тартус – гавань, от которой ближе всего до Масиафа… Бекир обещал распорядиться немедленно, сегодня же! Но эфенди должен проявить некоторое терпение, пока все колесики механизма человеческих взаимоотношений не будут приведены в действие… А сейчас он может насладиться роскошными покоями, которые уже для него приготовлены…

Покои действительно были великолепны. Эцио отвели несколько комнат в особняке, построенном на невысоком холме. Из окон открывался вид на город, гавань и залив, воды которого отсюда казались хрустальными. Поселившись там, ассасин стал ждать, и чем больше времени проходило, тем меньше терпения у него оставалось.

– Это все венецианцы, – сетовал Бекир. – Они терпят турецкое присутствие на острове, но не более того. А военные власти, как ни печально, относятся к нам с подозрением. Я чувствую… – Бекир понизил голос до шепота, – если бы не репутация нашего султана Баязида, чья власть и могущество общеизвестны, нас бы попросту выгнали отсюда. – Он вдруг просиял. – А ведь эфенди мог бы сам ускорить свой отъезд.

– Каким образом?

– Я подумал, что, будучи венецианцем…

Эцио молча закусил губу.

Он не желал попусту транжирить время, а потому внимательно изучал карту Пири-реиса. Потом ему вспомнилось кое-что из прочитанного, что заставило его нанять лошадь и отправиться по прибрежной дороге в Лимассол.

Приехав туда, он прошел мимо насыпного холма и очутился во дворе заброшенного замка Ги де Люзиньяна. Замок был построен во времена Крестовых походов и успел прийти в полное запустение. Чем-то это напоминало некогда полезное орудие, которое владелец позабыл выбросить. Эцио шел по пустым, продуваемым ветрами коридорам, смотрел на ковер полевых цветов, разросшихся во дворах. На полуразрушенных парапетах пышно цвела буддлея. В голове Эцио стали появляться какие-то туманные воспоминания, которые подсказывали ему: нужно искать не на поверхности, а спускаться глубже, в подземелья замка.

Если бы не проломы в стенах и потолке, здесь бы царила тьма. Двигаясь в сумраке, таком же призрачном, как само подземелье, Эцио наткнулся на остатки того, что когда-то было крупным хранилищем. Его одинокие шаги гулко отдавались в темном лабиринте пустых, почти сгнивших полок.

Единственными обитателями этого места были юркие крысы. Они подозрительно следили из темных углов за непрошеным гостем и мгновенно разбегались, когда он приближался, зло и косо глядя на него. Крысы ничего не знали о человеческих тайнах. Эцио провел тщательные поиски, насколько позволяли условия, однако не обнаружил никаких зацепок.

Разочарованный, он выбрался наружу, на яркий солнечный свет. Библиотека, бывшая когда-то здесь, напомнила ему о другой библиотеке, которую он собирался искать. Интуитивно Эцио ощущал некую подсказку, но не мог понять, с чем она связана. Он не торопился уезжать и провел в замке два дня. Местные жители настороженно поглядывали на седовласого чужестранца, бродящего по их развалинам.

Потом Эцио вспомнил. Триста лет назад Кипр целиком принадлежал тамплиерам.

6

Либо венецианские власти, либо кто-то за их спиной явно препятствовал отъезду Эцио с Кипра – ассасин понял это, лично встретившись с одним из чиновников. Флорентийцы и венецианцы были соперниками и даже несколько презирали друг друга, но они жили в одной стране и говорили на одном языке.

Однако общность страны и языка не растопила лед в отношениях с местным губернатором. Внешне Доменико Гарофоли был похож на карандаш: длинный, тощий и седой. Его модные черные одежды были сшиты из весьма дорогого дамаста, но на губернаторе они висели, как лохмотья на огородном пугале. Костлявые пальцы Гарофоли были унизаны золотыми перстнями с рубинами и жемчугом. Его губы отличались такой тонкостью, что были едва различимы на лице, а когда Гарофоли закрывал рот, казалось, будто он родился вообще без оного.

Губернатор держался безупречно вежливо. По его словам, Эцио немало способствовал улучшению отношений между Венецией и Османской империей в здешних местах. Но помогать ассасину кипрский правитель явно не собирался. Вместо этого – опять слова. Нужно учитывать положение в тех землях, куда собирался Эцио. Горстка прибрежных городов напоминала пальцы человека, висящего над пропастью. Там еще была какая-то видимость порядка. Но чем дальше от берега, тем опаснее. Присутствие турок в Сирии было весьма значительным, однако Венецию оно не заботило. Зато торговая республика очень боялась продвижения Османской империи на запад, поэтому старалась действовать в высшей степени дипломатично. Любая миссия, не получившая официального одобрения турецких властей, была чревата международным столкновением с непредсказуемыми последствиями. Так в общих чертах выглядели объяснения Гарофоли.

Эцио понял: рассчитывать на помощь его кипрских соотечественников бесполезно.

Губернатор продолжал говорить своим монотонным, усыпляющим голосом. Эцио вежливо слушал, сложив руки на коленях. Он все отчетливее понимал: если он хочет отплыть с Кипра, надо браться за дело самому.

Тем же вечером он отправился на разведку в гавань. Кораблей там было предостаточно. Одномачтовые суда из Аравии и Северной Африки соседствовали с венецианскими роккафорте, галерами и каравеллами. Внимание Эцио привлек голландский флейт. Там шла погрузка тюков с шелком. Опасаясь грабежей, голландцы выставили вооруженную охрану. Присмотревшись к грузу, Эцио разочарованно вздохнул. Отсюда флейт поплывет домой, на запад. А ему требовался корабль, идущий на восток.

Эцио продолжал поиски, двигаясь по-кошачьи быстро и бесшумно. Но в этот вечер его разведка окончилась ничем.

Несколько дней и вечеров он усиленно искал себе корабль. Отправляясь в гавань, Эцио обязательно брал с собой все свое немногочисленное имущество, чтобы не тратить лишнее время, если ему улыбнется удача. Однако каждый раз все оканчивалось одинаково. Известность Аудиторе сильно ему мешала. Он был вынужден пускаться на разные ухищрения, чтобы скрывать свою личность. И все равно, или не было ни одного корабля, идущего в нужном ему направлении, или же капитан по разным причинам отказывался взять его на борт. Эцио предлагал щедрую плату, но и она не оказывала желаемого действия. Он подумывал, не обратиться ли снова к Бекиру, однако, поразмыслив, решил не делать этого. Бекир и так слишком много знал о его намерениях.

Наступил пятый день поисков. Вечер застал Эцио в гавани. Часть кораблей ушла еще днем. Гавань заметно опустела, если не считать солдат ночной стражи с их фонарями на длинных шестах и обнаженными мечами или увесистыми дубинками. Стараясь не попадаться им на глаза, ассасин направился к отдаленным причалам, где стояли суда поменьше. Расстояние от Кипра до сирийского берега было не таким уж и большим. Если позаимствовать (назовем это так) одно из суденышек, он сумеет в одиночку проплыть семьдесят пять лиг.

Соблюдая осторожность, Эцио перешел с берега на деревянный причал, черные мокрые доски которого блестели под неяркими звездами. Там стояло пять одномачтовых судов и несколько рыбацких лодок (судя по характерному запаху). Две из них показались ему вполне крепкими для задуманного плавания. К тому же их паруса и прочие снасти не были убраны.

В следующее мгновение он почувствовал что-то неладное… Но было слишком поздно.

Прежде чем Эцио сумел повернуться, мощный удар свалил его с ног, и он упал ничком. Нападавший был крупным человеком. Даже очень крупным. Тяжестью своего тела он придавил ассасина к причалу, лишая возможности пошевелиться. Эцио попытался было высвободить правую руку и выдвинуть скрытый клинок, но запястье моментально оказалось в железных тисках. Краешком глаза он успел заметить: на руке, державшей его, был надет ржавый кандальный обруч и висело несколько звеньев обломанной цепи.

Собрав все силы, Аудиторе резко дернулся и ткнул левым локтем в ту часть громилы, которая показалась ему наиболее уязвимой. Маневр удался. Гигант, пригвоздивший его к палубе, глухо застонал от боли и немного ослабил хватку. Этого оказалось достаточно. Продолжая свой маневр, Эцио приподнял левое плечо и сбросил с себя противника. С молниеносной быстротой сам он встал на колено, левой рукой схватил громилу за горло, а правой приготовился нанести удар.

Но победа Эцио была недолгой. Гигант оттолкнул его правую руку. Левая рука, на которой тоже был кандальный обруч с обрывками цепи, ударила ассасина по левому запястью, и даже наруч не сумел погасить удар. Еще через мгновение левая рука Эцио оказалась в тисках, что заставило его отпустить горло противника.

Они катались по деревянным мосткам, стараясь воспользоваться секундным преимуществом и нанося взаимные удары. Противник отличался могучим телосложением и изрядной силой, но Эцио был быстр, а его клинок всегда попадал в цель. Наконец, прервав поединок, оба присели на корточки, тяжело дыша и угрюмо глядя друг на друга. Громила был безоружен, однако обрывки его кандалов могли причинить немало вреда.

И вдруг неподалеку мелькнул свет фонаря и раздался окрик.

– Стража! – сказал гигант. – Ложись!

Эцио, не раздумывая, бросился вслед за недавним противником к ближайшему одномачтовику. Оба распластались на дне. Мысли ассасина неслись

лихорадочным потоком. В свете фонаря он увидел лицо гиганта и мгновенно узнал, кто перед ним. Неужели такое возможно?

Но времени недоумевать не было. Солдаты уже бежали к ним по скользким доскам причала.

– Они нас видели, да ослепит их Аллах, – прошептал громила. – Придется устроить им теплую встречу. Ты готов?

Изумленный таким поворотом событий, Эцио молча кивнул.

– Как только мы расправимся с ними, я тебя прикончу, – добавил недавний противник.

– А это мы еще посмотрим.

Пятеро солдат ночной стражи уже стояли на причале возле судна. Правда, они не решались прыгать в темноту, где, встав во весь рост, замерли Эцио и его бывший противник, а теперь – вынужденный союзник. Пока что солдаты оставались на причале, размахивая оружием и выкрикивая угрозы. На большее у них не хватало смелости.

– Легкая добыча, – оглядев солдат, прошептал гигант. – Им надо заткнуть глотки, пока не наделали шуму.

В ответ Эцио, внутренне приготовившись, прыгнул на причал. Лет двадцать назад это получилось бы у него намного лучше. Сейчас он едва успел ухватиться за край и выбраться на доски.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы отдышаться. За это время на него набросились трое солдат и ударами дубинок повалили вниз. Подоспел четвертый, размахивая коротким, но весьма острым мечом. Солдат поднял меч, собираясь нанести смертельный удар, однако громила, оказавшийся у него за спиной, схватил солдата за шиворот, поднял в воздух, раскачал и швырнул в дальний конец причала. Пролетев это расстояние, солдат тяжело рухнул на доски и застонал. У него было сломано несколько костей.

Трое солдат на мгновение отвлеклись, и Эцио, вскочив на ноги, двумя точными ударами клинка уложил двоих. Тем временем гигант схватился с пятым, несшим шест с фонарем. Солдат тоже отличался внушительным телосложением. Отбросив шест, он взялся за тяжелый меч дамасской стали, которым размахивал над головой громилы, а тот, словно не замечая опасности, держал его мертвой хваткой, впившись в пояс. В любой момент лезвие меча могло полоснуть по широкой спине недавнего противника Эцио. Ассасин мысленно отругал себя за то, что не прицепил к руке пистолет. Положение требовало немедленного вмешательства. Эцио схватил оброненную кем-то из стражников дубинку, локтем отпихнул третьего солдата и швырнул дубинку в голову «фонарщика».

Слава богу, затея удалась. Дубинка ударила солдата между глаз. Он зашатался и повалился на колени. И тут Эцио почувствовал острую боль в боку. Третий солдат, которого он отпихнул, ударил его кинжалом. Ассасин осел на пол. Он еще успел увидеть бегущего к нему громилу, но потом провалился в черноту.

7

Эцио очнулся и почувствовал, что лежит на спине. Его качало. Не швыряло из стороны в сторону, а именно качало. Ощущение было приятным, почти успокаивающим. Ассасин не торопился открывать глаза. Легкий ветер обдувал ему лицо. Возвращаться в окружающий мир не хотелось, поскольку там его не ждало ничего хорошего. Он лежал, вдыхая морской воздух.

Морской воздух?

Эцио открыл глаза. Солнце стояло высоко. На небе – ни облачка. Но уже через мгновение голубизну небес закрыла чья-то тень. Потом он увидел голову и плечи. Лицо, задумчиво глядящее на него.

– Очнулся. Это хорошо, – сказал верзила.

Эцио попытался сесть, и сейчас же рана напомнила о себе острой болью. Он застонал и потрогал бок. Рука наткнулась на повязку.

– Рана неглубокая. Дальше мягких тканей не пошло. Так что можешь не дергаться.

Эцио приподнялся на локте. «Что с моим арсеналом?» – сразу же подумал он и быстро огляделся. Оружейный мешок был аккуратно засунут в его кожаную сумку. Похоже, внутрь верзила не заглядывал.

– Где мы? – спросил Эцио.

– А ты как думаешь? В море, где же еще.

Преодолевая боль, ассасин встал и снова огляделся. Они плыли на одномачтовом рыбацком судне, нос которого равномерно рассекал гладь спокойного моря. Попутный ветер надувал парус. На горизонте виднелся кипрский берег с крохотным пятнышком – Ларнакой.

– Что произошло? – спросил Эцио.

– Ты спас мою жизнь. Я спас твою.

– Почему?

– Таков закон. А жаль. После всего, что ты сотворил со мной, я бы охотнее отправил тебя на тот свет.

Верзила повернулся к нему спиной, возясь с румпелем паруса. Потом он обернулся и встретился с ассасином глазами – Эцио сразу же узнал пиратского капитана.

– Ты уничтожил мои корабли. За одно это ты достоин проклятия. Я столько дней выслеживал «Анаан». Захвати я их груз, я бы вернулся в Египет богатым человеком. Вместо этого, благодаря тебе, меня сделали галерным рабом. Это меня-то!

Чувствовалось, верзила и сейчас не забыл жгучей обиды.

– В Египет? Так, значит, ты не бербер?

– Какой, к черту, бербер? Я мамлюк, хотя по моим лохмотьям этого не скажешь. Но ничего. Как только мы приплывем, у меня будет и женщина, и большое блюдо кюфты, и приличная одежда.

Эцио в очередной раз огляделся. Волна, вдруг плеснувшая через борт, заставила его покачнуться, но на ногах он устоял.

– Вижу, ты не больно-то привык плавать по морям?

– Мне привычнее плавать на гондолах.

– На гондолах? Фи!

– Если ты хотел меня убить…

– Неужто у тебя хватит совести меня упрекнуть? После того как я сбежал с этого поганого военного корабля, я не собирался задерживаться в Ларнаке. Но задержался. Из-за тебя. Болтался вокруг их венецианской сточной канавы, которую они называют гаванью. Высматривал тебя. А когда увидел, не мог поверить в свою удачу. Даже о желании убраться оттуда почти забыл.

Эцио улыбнулся:

– Я не стану тебя упрекать.

– Ты бросил меня в трюм, полный воды, и оставил тонуть!

– Но ты неплохо умеешь плавать. Теперь это даже дураку понятно.

Теперь улыбнулся и верзила:

– Я рассчитывал на твое милосердие, потому и прикинулся неумеющим плавать. Потом понял, что милосердия от тебя не дождусь.

– Ты вернул долг, спас мою жизнь. Но зачем ты взял меня с собой?

Верзила всплеснул руками, удивляясь вопросу.

– Тебя ранили. Оставь я тебя там, пришли бы другие солдаты, и эта ночь стала бы последней в твоей жизни. Тогда получилось бы, что я напрасно тратил силы, спасая твою шкуру. И потом, хоть ты и не моряк, на этом корыте тоже можешь пригодиться.

– Я могу сам о себе позаботиться.

– Знаю, что можешь, эфенди, – перестав улыбаться, сказал верзила. – А может, мне хотелось побыть в твоем обществе, Эцио Аудиторе.

– Ты знаешь мое имя?

– Так ты же знаменитость. Гроза пиратов. Хотя вряд ли эти навыки помогли бы тебе спастись от подкрепления, которое наверняка вызвали не добитые тобой стражники.

Эцио ненадолго задумался.

– А как тебя зовут? – спросил он верзилу.

Тот вытянулся, расправил плечи. Даже в лохмотьях галерного раба он был исполнен достоинства.

– Я Аль-Скараб, гроза Белого моря[6 - Турки называли Белым морем часть Средиземного.].

– Прошу прощения, я не знал, – сказал Эцио, стараясь не показывать улыбки.

– Временно на мели, – с грустью добавил Аль-Скараб. – Но скоро все изменится. Как только приплывем, у меня через неделю будет новый корабль и команда.

– Куда приплывем?

– Разве я не сказал? Ближайшая достойная гавань – это Акра. К тому же она в руках мамлюков.

8

Время настало.

Уезжать было трудно, но миссия требовала отправляться дальше. В Акре Эцио отдыхал и восстанавливал силы. Он принуждал себя к терпению, поскольку рана затягивалась не так быстро, как ему хотелось бы. Но если он полностью не восстановит здоровье, поиски могут окончиться провалом. Если бы не стычка с ночной стражей, еще неизвестно, каким был бы исход его поединка с Аль-Скарабом. Скорее всего, катастрофическим. Но случившееся доказывало: у ассасина есть ангел-хранитель.

Пират, с которым он так немилосердно обошелся на борту «Анаана», не только спас ему жизнь. В Акре жило немало родни Аль-Скараба, и они все горячо благодарили Эцио за спасение их родственника. Пират под страхом неминуемого возмездия запретил Аудиторе упоминать о происшествии на борту «Анаана». Зато драка с ночной стражей превратилась в эпическое сражение.

– Их было человек пятьдесят… – так обычно начинал свой рассказ Аль-Скараб.

К десятому пересказу их уже стало в десять раз больше. Родня Аль-Скараба слушала, разинув рты и выпучив глаза. Никто не осмеливался даже робко намекнуть на явные нелепости в рассказе пирата. «Хорошо еще, что он не приплел сюда какое-нибудь морское чудовище», – хмуро думал Эцио.

Зато родня Аль-Скараба ничуть не преувеличивала опасности, подстерегающие ассасина на его дальнейшем пути. Они изо всех сил уговаривали его взять с собой вооруженную охрану, но эти предложения Эцио упорно отклонял. Он поедет один. Какие бы беды ни ждали его на пути к Масиафу, он встретит их один, не подвергая опасности ничью жизнь, кроме собственной.

Вскоре после приезда в Акру Эцио наконец-то смог написать давно обещанное письмо сестре. Он тщательно обдумывал каждое слово, понимая, что это письмо вполне может стать его последним посланием Клаудии.

Акра

20 ноября 1510 г.

Моя дорогая и любимая сестра Клаудия!

Вот уже неделя, как я нахожусь в Акре, куда добрался целым и невредимым. Настроение у меня приподнятое, однако я готов к худшему. Люди, любезно приютившие меня, в один голос утверждают, что дорога на Масиаф кишит наемниками и разбойниками, но они не местные, а пришлые. Что это значит, я могу лишь гадать.

Когда десять месяцев назад я покидал Рим, то делал это с единственной целью – открыть то, что не успел открыть наш отец. В известном тебе письме, написанном за год до моего рождения, он вскользь упоминает о библиотеке, спрятанной в подземелье бывшей крепости Альтаира. О святилище, полном бесценной мудрости.

Но что я найду, приехав туда? Кто меня встретит? Свора алчных тамплиеров? Или пустота, в которой слышатся завывания холодного, одинокого ветра? Вот уже почти триста лет, как тамплиеры покинули Масиаф… Помнит ли нас крепость? По-прежнему ли мы там желанные гости?

Клаудия, я устал от этой битвы… Устал не физически, а морально, потому что она, как мне кажется, неумолимо толкает нас лишь в одном направлении… к хаосу. Сегодня вопросов у меня больше, чем ответов, и потому я отправился в такую даль. Я хочу отыскать мудрость, оставленную нам великим Наставником, дабы лучше понять нашу борьбу и свое место в ней.

Дорогая Клаудия, что бы ни случилось со мной… если вдруг меня подведут мои навыки и способности или мои честолюбивые устремления увлекут меня в сторону… прошу тебя: не пытайся за меня отомстить. Месть не должна туманить

память обо мне. Продолжай неутомимо искать истину во имя всеобщего блага. Моя история – одна из многих тысяч, и мир не пострадает, если она кончится слишком рано.

Твой брат

Эцио Аудиторе да Фиренце

Готовясь к новым приключениям, Аль-Скараб успевал следить, чтобы Эцио осматривали лучшие врачи, обшивали лучшие портные, кормили лучшие повара и ублажали лучшие женщины Акры. Арсенал ассасина был тщательно наточен и смазан; сумка – вычищена и, где надо, заштопана. Все было проверено и перепроверено.

Накануне отъезда Аль-Скараб подарил Эцио двух прекрасных лошадей.

– Это подарок моего дяди. Он их разводит, а мне, как ты понимаешь, в море лошади не нужны.

Лошади были низкорослой арабской породы, очень выносливые, как раз для здешних дорог. Эцио понравилась мягкая кожаная упряжь и удобное высокое седло, сделанное искусным ремесленником. Он в который раз отказался от сопровождения, но с благодарностью принял запас продовольствия. Последний отрезок его путешествия будет пролегать по землям, где когда-то хозяйничали иерусалимские крестоносцы, основавшие здесь свое королевство.

Наступил день отъезда. Последний, самый важный и опасный отрезок его путешествия. Эцио не знал, завершится ли оно благополучно и завершится ли вообще. Но для него оно было лишь путешествием, которое необходимо совершить. Старикам надлежит быть исследователями. Сейчас Аудиторе наконец-то понял эту истину.

– Да хранит тебя твой бог, Эцио, – сказал ему Аль-Скараб.

– Баракаллах фик, мой друг, – ответил, пожимая руку верзилы-пирата. – Да благословит тебя Бог.

– Мы еще встретимся.

– Да.

В глубине сердца каждый из них сомневался в этом, но слова утешали их, а остальное не имело значения. Глядя друг другу в глаза, оба знали: они идут разными путями, но являются частью одного братства.

Эцио уселся на гнедую лошадку. Тронув поводья, он развернул ее к воротам.

Ни разу не оглянувшись, он выехал из города и направился на север.

9

Если брать по прямой, Акру и Масиаф разделяли триста с небольшим километров пустыни, земля которой казалась Эцио мягкой и податливой. Действительность сильно опровергла его предположения. Вот уже двести лет подряд Османская империя неутомимо расширяла свои границы. Вершиной их продвижения стал захват Константинополя, осуществленный в 1453 году двадцатилетним султаном Мехмедом II. Нынче щупальца турок тянулись еще дальше. На западе они достигали Болгарии; на юге и востоке – Сирии, некогда бывшей Святой землей. Восточная береговая полоса Белого моря с жизненно важными гаванями, позволявшими кратчайшим путем добраться на запад по воде, являлась украшением османской короны. Однако власть турок в этих местах все еще оставалась хрупкой. Эцио знал: рано или поздно ему придется вступить в сражение, и чем дальше на север, тем эта вероятность становилась ощутимее. Бо?льшую часть пути он старался ехать вдоль берега, так, чтобы видеть слева сверкающие морские воды. Он поднимался на высокие утесы, поросшие колючим кустарником. Эцио выбирал для передвижения раннее утро и поздний вечер. Самые жаркие часы он прятался от палящего солнца. На ночной сон оставалось всего четыре часа.

Путешествие в одиночку имело свои преимущества. Одному намного проще смешаться с толпой, тогда как отряд сопровождающих, наоборот, привлекал бы излишнее внимание. Зоркие, опытные глаза Эцио заранее распознавали опасности. Это была разбойничья страна, наводненная шайками безработных наемников, имевших смутное представление о дисциплине. Они бродили по

дорогам и окрест, убивали путешественников и друг друга. Добычей становилось все, что можно было забрать у убитых противников. Эцио казалось, что эти люди давно утратили какие-то цели и выживали ради самого выживания в местах, где до сих пор ощущались последствия войн, длившихся не одну сотню лет. Люди утрачивали способность мыслить и превращались в зверей. У них не было ни страха, ни надежд. Совести тоже не было. Равнодушные ко всему, безжалостные, грубые, они ни в чем не раскаивались и ни о чем не жалели.

Эцио не всегда удавалось избегать столкновений. Стычки были бессмысленными, оставляя свежую пищу для грифов и воронов. Только они и могли чувствовать себя вольготно в этой забытой Богом земле. Однажды ассасин спас запуганную грабителями деревню, когда те нанесли туда очередной визит. В другой раз его клинки уберегли женщину от насилия и мучительной смерти. Но надолго ли? Что станется с этими людьми потом, когда он уедет? Он не был вездесущим Богом. Как ни странно, но в землях, где когда-то ходил Христос, Бог совсем не заботился о «малых сих».

Чем дальше на север, тем тяжелее становилось у Эцио на сердце. Только огонь поиска поддерживал его на пути. Он не забывал об осторожности и привязывал ветки к лошадиным хвостам, чтобы замести следы. По ночам он нарочно укладывался на колючки, чтобы не провалиться в сон. Вечное бодрствование было не только платой за свободу, но и условием выживания. Конечно, прожитые годы поуменьшили его силы, что восполнялось опытом и плодами выучки, пройденной несколько десятков лет назад у Паолы и Марио. Уроки Флоренции и Монтериджони никогда не забывались. Иногда Эцио чувствовал, что не в силах двинуться дальше. И тем не менее он седлал лошадь и продолжал путь.

Триста с лишним километров, если двигаться по прямой. Но зима была суровой, и это заставляло его часто пускаться в объезд или оставаться на месте, пережидая непогоду.

Наконец Эцио увидел впереди стену гор.

Он глубоко вдохнул холодный воздух.

Масиаф был близко.

Через три недели Эцио увидел цель своих долгих странствий. Остаток пути он был вынужден идти пешком. Обе лошади пали, не выдержав заледенелых перевалов. Их гибель была на его совести, ибо они показали себя более доблестными и верными спутниками, чем многие люди.

В вышине холодного чистого неба парил орел.

Утомленный дорогой, Эцио отвел глаза от парящей птицы, заставил себя встать, перелез через невысокую стену, сложенную из грубого камня, и замер, медленно обводя взором местность вокруг.

Масиаф. Наконец-то он добрался до цели своего путешествия. Путь сюда занял целый год. Дорога была длинной и утомительной, а погода – суровой.

На всякий случай Эцио прильнул к земле и замер, проверяя оружие. Он продолжал наблюдать за окрестностями, пытаясь уловить хотя бы признак движения.

Парапеты были пусты. Ни души. Резкий ветер крутил вихри снежинок. Похоже, место совершенно обезлюдело. Впрочем, таким Эцио его себе и представлял, когда читал о крепости. Однако жизнь научила его, что лучше всегда убедиться наверняка, и потому он старался не выдавать своего присутствия.

Никаких звуков, только ветер. И вдруг – впереди него, слева, по склону скатилось несколько камешков. Ассасин напрягся, медленно приподнялся и вскинул опущенную голову. Через мгновение в правое плечо ударила стрела, пробив доспех.

10

Наступил рассвет, серый и холодный. Тишину раннего утра нарушил стук сапог по каменным плитам, который заставил Эцио вынырнуть из воспоминаний и предельно сосредоточиться на окружающей действительности. Судя по шагам, к его камере приближались караульные. Вот и настал момент.

Эцио решил прикинуться обессилевшим, что для него было совсем нетрудно. Его жажда и голод только возросли, но за все это время он не притронулся ни к воде, ни к пище. Ассасин ничком лежал на полу, спрятав лицо в складках капюшона.

Лязгнула открывшаяся дверь. Вошли караульные. Ухватив Эцио за подмышки, они выволокли узника из камеры и потащили по коридору, пол которого был выложен серыми каменными плитами. В одном месте ему попался знакомый символ ассасинов, существовавший с незапамятных времен. Знакомые очертания, запечатленные в камне более темного оттенка.

Коридор сменился просторным помещением, похожим на зал. Потянуло свежим воздухом. Эцио стало легче дышать. Приподняв голову, он увидел открытую дальнюю стену, обрамленную узкими колоннами. Между ними просматривались суровые, безжалостные горы. Ассасин понял, что по-прежнему находится на самом верху башни.

Караульные поставили его на ноги. Аудиторе оттолкнул их. Караульные отступили на шаг и замерли, нацелив на него алебарды. А лицом к нему (и спиной к пропасти) стоял вчерашний капитан, сжимая в руках петлю.

– А ты упорный человек, Эцио, – сказал капитан. – Проделать столь долгий путь, чтобы ненадолго оказаться в крепости Альтаира. Это говорит о твоей решимости.

Он махнул караульным, велев отойти подальше.

– Но прожитых лет не вернешь, и теперь ты просто старый пес, – продолжал капитан. – Уж лучше оборвать твою жизнь сейчас, чем дать тебе дожить до состояния никчемной развалины.

Эцио было что сказать капитану. Он слегка повернулся и с удовлетворением отметил, что караульные в испуге направили на него острия алебард.

– Хочешь что-нибудь сказать перед тем, как я тебя убью? – спросил он у капитана.

Тот лишь рассмеялся в лицо пленнику:

– А я вот думаю: сколько времени понадобится канюкам и прочим хищным птицам, чтобы дочиста обглодать твой труп, когда он будет раскачиваться на ветру, под парапетом?

– Здесь неподалеку летает орел. Он отгонит канюков.

– И спасет тебя? Подойди. Или боишься умирать? Ты ведь не хочешь, чтобы тебя волокли силой навстречу смерти?

Напрягшись всем телом, Эцио медленно двинулся вперед.

– Так-то оно лучше, – похвалил капитан, и ассасин сразу почувствовал, как его противник немного успокоился.

Неужели этот человек всерьез думает, что он покорился судьбе? Неужто капитан настолько глуп и самоуверен? Если да, это даже лучше. Но в одном этот мерзкий человек, пропахший потом и мясной похлебкой, был прав: когда-нибудь смерть явится и за Эцио.

Подойдя ближе, ассасин увидел узкий деревянный помост, один конец которого был закреплен на полу, а другой нависал над пропастью. Он прикинул размеры помоста: три метра в длину и полтора в ширину. Помост состоял из шести неструганых досок, старых и шатких. Капитан язвительно поклонился, приглашая узника. Эцио сделал еще несколько шагов, ожидая нужного момента и одновременно сомневаясь, наступит ли он вообще.

Доски угрожающе заскрипели под ногами. Эцио обдувало холодным ветром. Он взглянул вниз, потом обвел глазами горы. Орел парил где-то на пятьдесят метров ниже, широко раскинув белые перья. Это почему-то вселяло надежду.

Затем произошло нечто странное.

В пяти метрах справа от него из другого просвета торчал такой же помост. И там бесстрашно стоял молодой человек в белом плаще с капюшоном, которого вчера он видел в самой гуще битвы. Эцио затаил дыхание. Ему показалось, что человек

в плаще поворачивается к нему и делает какой-то жест…

И так же, как вчера, видение вдруг померкло и исчезло. На соседнем парапете не было ничего, кроме кромки снега. Даже орел куда-то исчез.

Подошел капитан, поигрывая петлей. Эцио мельком заметил, что веревка, тянущаяся за капитаном, была довольно длинной.

– Что-то я не вижу поблизости ни одного орла, – сказал капитан. – Бьюсь об заклад: канюки обглодают тебя дня за три.

– Я тебе сообщу, – спокойно ответил Эцио.

Караульные подошли ближе, встав за спиной капитана. Откинув капюшон, он набросил узнику петлю и туго затянул вокруг шеи.

– Хватит мешкать. Пора! – сказал капитан.

Пора!

Руки капитана легли на плечи Эцио, готовые столкнуть его в пропасть. В этот момент, согнув правую руку, ассасин что есть силы ударил капитана локтем. Вскрикнув, капитан опрокинулся на своих солдат. Эцио проворно нагнулся, подхватил кольца веревки, лежавшие на досках, протиснулся между тремя очумевшими солдатами, повернулся и накинул вторую петлю на шею капитана. Еще через мгновение Аудиторе прыгнул в пропасть.

Капитан попытался сбросить петлю, но было слишком поздно. Эцио, как живая гиря, повлек капитана вниз, и тот рухнул на доски, ударившись головой и сотрясая помост. Веревка туго натянулась. Лицо капитана посинело. Он судорожно хватался за шею и дрыгал ногами, сопротивляясь смерти.

Исторгая все известные им ругательства, солдаты выхватили мечи, бросились к командиру и принялись кромсать веревку. Когда лезвия перережут последние волокна, ненавистный Эцио Аудиторе пролетит сто пятьдесят метров и разобьется насмерть. Главное, он будет мертв; не важно, как именно он умрет.

Повиснув в воздухе, Эцио тоже обеими руками хватался за петлю. Он подсовывал пальцы, не давая веревке врезаться в горло и сломать ему шею, и пристально смотрел вниз. Он был совсем близко от крепостных стен. Должны же там быть хоть какие-то ниши и выступы, чтобы уцепиться. Но если их не окажется, лучше упасть и разбиться о камни, чем покорно принять смерть, уготованную ему капитаном.

Помост угрожающе прогибался. Наконец солдатам удалось перерубить веревку. К этому времени шея капитана была уже вся в крови. А Эцио камнем полетел вниз…

Но в тот момент, когда веревка начала слабнуть, Эцио успел качнуться поближе к стенам. Масиаф строили ассасины для ассасинов. Это могло спасти ему жизнь.

Под ним, метрах в пятнадцати, из стены торчал обломок такого же помоста. Эцио направил тело туда и, пролетая мимо обломка, успел схватиться за него одной рукой. Каким-то чудом обошлось без вывиха, хотя руку обожгло болью. Стискивая зубы, ассасин начал подтягиваться, пока не схватился за обломок и второй рукой.

Однако это еще не было спасением. Увидев, что узник не думает покоряться судьбе, солдаты стали забрасывать его всем, что попадалось под руку. Вниз полетели камни, обломки плит, куски дерева.

Эцио торопливо оглядывался по сторонам. Слева, метров на шесть ниже, к стене примыкал крутой откос. Если хорошенько раскачаться и пролететь это расстояние, его, вероятнее всего, вынесет на откос, и он скатится вниз, на кромку утеса. Прямо к ветхому каменному мосту, переброшенному через пропасть к соседней горе. За мостом виднелась узкая тропка.

Вобрав голову в плечи и прикрыв глаза, чтобы их не поранило камнем, Эцио начал раскачиваться взад-вперед. Его руки скользили по гладкой обледенелой деревянной поверхности. Главное, он держался и постепенно набирал размах.

Через какое-то время Эцио почувствовал, что больше не может держаться. Нужно отрываться сейчас. Собрав все силы, он качнулся назад, потом вперед и, раскинув руки, словно орел, полетел к откосу.

Приземление было тяжелым и неудачным. У Эцио перехватило дыхание. Сила падения не дала ему даже секундной передышки и потащила вниз по склону. Ассасин катился по острым камням, но все же ухитрялся направлять свое измученное тело к мосту. От этого сейчас зависела его жизнь. Если только он промахнется, его сбросит с утеса, и тогда уже не будет никаких шансов спастись. Он катился слишком быстро и ничем не мог погасить скорость.

Эцио ухитрялся сохранять самообладание и все-таки сумел не упасть в пропасть. Правда, его вынесло не к мосту, а на пару метров левее. Тем не менее мост содрогнулся.

«Сколько же сотен лет этому мосту?» – подумал Аудиторе, разглядывая шаткую постройку. Мост был узким, однопролетным. Внизу сердито шумела горная речка. Глубокое ущелье полностью скрывало ее из виду.

Эцио осторожно ступил на мост, и тот закачался под тяжестью его веса. Кто и когда последним ходил по нему? Каменная кладка заметно крошилась, не в силах сопротивляться времени и природным стихиям. Раствор, сцеплявший камни, давно сгнил. Выпрямившись, ассасин с ужасом заметил трещину во всю ширину моста. Она появилась только что, вызванная его спуском по откосу. Буквально на глазах трещина ширилась. Кладка по обе стороны от нее начала рушиться. Обломки исчезали во тьме ущелья.

Время словно замедлилось. Эцио смотрел на мост, понимая, что он скоро рухнет. Оставалось только одно, и Эцио побежал, выжимая из бесконечно усталого тела последние капли сил. Он бежал, а мост рушился у него под ногами. Десять метров, пять… Камни, на которые мгновение назад он наступал, обламывались и летели вниз. Эцио дышал ртом. Холодный воздух разрывал ему грудь. Он не помнил, как достиг конца моста и рухнул на серые камни, прижавшись к ним щекой. Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Не мог даже думать. Он лежал и слушал, как камни моста летели вниз, навстречу яростному потоку. Постепенно звуки начали слабеть и вскоре исчезли вовсе. Только ветер продолжал свистеть и все так же яростно и сердито шумела горная река.

Эцио постепенно успокоил и выровнял дыхание. Переправляясь через мост, он на время забыл о боли. Сейчас она вернулась. Однако Эцио пока не мог дать телу столь необходимый отдых. Прежде всего нужно было утолить голод. Целые сутки Эцио ничего не ел и не пил.

Он разорвал свой шарф и, как мог, перевязал ободранные руки. Затем, сложив ладони чашей, набрал воды, которая тонкой струйкой вытекала из скалы, куда он совсем недавно утыкался щекой. Частично утолив жажду, Эцио приподнялся и осмотрел себя. Все кости были целы. Легкое растяжение слева, куда его ранили. Ссадины и царапины не в счет. Главное, обошлось без серьезных повреждений.

Затем ассасин внимательно огляделся по сторонам. Погони не было. Но тамплиеры наверняка видели, как он скатился по откосу и потом пересек разваливающийся мост. Возможно, они решили, что он не добежал и нашел свою смерть на дне ущелья. Однако расслабляться нельзя. Тамплиеры обязательно начнут прочесывать окрестности. Им важно найти его тело и убедиться, что Наставник их злейших врагов действительно мертв.

Эцио пригляделся к горному склону и решил подниматься напрямик. Тропа не внушала ему доверия. Он не знал, куда она ведет. И потом, случись ему с кем-то сражаться, на узкой тропке не очень-то развернешься. А по горному склону он поднимется даже при своей чудовищной усталости. В ложбинках наверняка есть снег, что позволит утолить жажду. Усилием воли Эцио заставил себя собраться и, ворча, двинулся наверх.

Темная одежда помогала ему растворяться среди камней и избавляла от необходимости тщательно прятаться. Поначалу уступов и впадин хватало, и Эцио без труда карабкался наверх. Затем поверхность камней стала более гладкой, что вынуждало его напрягаться всем своим измученным телом. В одном месте кусок скалы, за который он ухватился, обломился прямо под рукой, и ассасин едва не скатился обратно. Вода, что непрерывно текла сверху, была для него одновременно благословением и проклятием. Она делала камни скользкими, затрудняя подъем. Но она же являлась предвестницей ручья, где он сможет напиться.

Где-то через полчаса Эцио достиг вершины. Гора оказалась просто утесом, поросшим кустиками жесткой травы. Чем-то это было похоже на альпийский луг, утративший свою сочную зелень. С двух сторон поднимались серые и черные

каменные стены, уходя еще выше. В западном направлении, куда сейчас смотрел Эцио, вершина, скорее всего, тоже обрывалась вниз. Все это напоминало горный перевал, который никуда не вел. Возможно, в глубокой древности и вел, но потом случилось землетрясение, создавшее окрестные утесы и ущелье, в которое рухнул каменный мост.

Эцио поспешил на другой край этой маленькой долины. Где были тропы и вода, могли быть и люди. Прежде чем двинуться дальше, он позволил себе непродолжительный отдых, застыв на месте. За эти полчаса его мышцы успели одеревенеть, и ему пришлось их разогревать. Поднимаясь сюда, Эцио промок и теперь начинал замерзать. Он понимал: долго оставаться здесь ему нельзя. Одно дело – выскользнуть из рук тамплиеров, и совсем другое – оказаться жертвой неумолимой природной стихии.

Речушку он разыскал по шуму воды. Нагнулся и лишь утолил жажду, не позволяя себе вдоволь напиться. Потом двинулся вдоль берега. Жесткие травы сменились кустарниками. Вскоре Эцио набрел на невысокую рощицу. Рядом был пруд. Он остановился. Вряд ли кто-нибудь жил на такой высоте и так далеко от деревни, притулившейся в тени крепости. Возможность поймать здесь какую-то съедобную живность граничила с чудом, но в водоемчике вполне могла водиться рыба.

Эцио подошел к пруду, опустился на колени и заглянул в темную воду. Он замер, словно цапля. Для рыбной ловли требовалось терпение. Он ждал. Поверхность воды оставалась гладкой. И вдруг она подернулась легкой рябью. Значит, в пруду была живность. Ассасин продолжал наблюдение. Над прудом кружились мушки. Почуяв тепло человеческого тела, они стали донимать Эцио. Но он не мог их отогнать и стойко выносил их маленькие злобные укусы.

Ожидания были не напрасны. К поверхности лениво поднималась крупная рыбина трупного цвета. Неужели карп? Эцио продолжал следить за поверхностью. Пока он смотрел, появилась вторая рыба, намного темнее первой, а потом и третья. Вблизи поверхности их чешуя была уже медно-золотистой.

Эцио ждал, когда карпы высунут морды, чтобы глотнуть воздуха и подкрепиться мушками. Вот тогда и наступит время действовать. Ассасин напрягся всем телом, унимая дрожь в руках.

Первой к поверхности поднялась рыба с темной чешуей. Вода забурлила пузырьками, в окружении которых появилась толстая пасть.

Эцио сделал резкий выпад и уже через мгновение лежал на спине, сжимая в руках отчаянно бьющуюся рыбину. Бросив на землю, он оглушил ее несколькими ударами камня.

Эцио еще никогда не ел рыбу сырой. Теперь придется узнать, какова она на вкус. Где ее тут изжаришь, а главное – как? Впрочем… Эцио снова оглядел камень, которым убивал пойманную рыбу. Вспомнил другой, из-за которого чуть не свалился вниз. Это же кремень! Если повезет, можно будет развести костер, изжарить рыбу и заодно высушить одежду. Эцио был готов удовлетвориться и сырой. Он читал, что в одной невообразимо далекой восточной стране сырая рыба считается деликатесом. Но мокрая одежда грозила обернуться простудой. Что же касается костра, Эцио ничем не рисковал. Возможно, он был первым человеком, поднявшимся сюда за тысячу лет. Каменные стены надежно защищали это место от чьих-либо глаз.

Эцио набрал хвороста и после нескольких попыток заставил тлеть пучок сухой травы. С величайшей осторожностью он подсунул тлеющий пучок под шалашик из прутиков, и красное мерцание мгновенно превратилось в пламя, опалившее ему руки. Костер горел ровно, давал мало дыма, а ветер быстро подхватывал и развеивал дымовую струйку.

Впервые с тех пор, как он увидел Масиаф, Эцио улыбнулся.

Невзирая на холод, ассасин разделся и развесил мокрую одежду на кусты вокруг костра. Рыба жарилась на импровизированных вертелах из крепких прутиков. Не прошло и часа, как желудок Эцио ощутил приятное тепло. Он загасил костер, уничтожив все следы. Теперь можно было и одеться. Чище его одежда не стала, зато точно стала суше. Досыхать она будет уже на нем. Эцио невероятно хотелось заснуть у огня, на сухой теплой траве. Но с этим желанием он сражался столь же неистово, как с тамплиерскими солдатами, и был вознагражден вторым дыханием.

Ассасин чувствовал, что вполне готов к возвращению в крепость. Нужно забрать оружие и вещи, которые у него отняли. И конечно, нужно раскрыть секреты этого места, иначе его путешествие окажется бессмысленной тратой времени и

сил.

Он двинулся в обратный путь и вскоре достиг утеса, на который поднимался. На южной стороне долины он заметил еще один проход, прорубленный в скалах и ведущий вверх по склону. Кто соорудил эти проходы? Люди, жившие в глубокой древности? Проход тянулся вверх по склону, на восток, в сторону Масиафа. Эцио ступил на него и начал подъем.

Поднявшись на полторы сотни метров, тропа окончилась узким выступом. Остатки фундамента подсказывали, что когда-то давно тут стояла сторожевая башня, дававшая обзор на несколько лиг вокруг. Эцио забрался выше места, где стоял Масиаф. Громадная крепость с ее стенами и куполами башен была видна отсюда как на ладони. Эцио сосредоточился, и его глаза, зоркие, как у орла, начали подмечать все, что могло способствовать его возвращению.

Далеко внизу он заметил веревочный мост через ту же пропасть, которую он пересекал по шаткому каменному. Возле моста стоял караульный домик, который явно не пустовал. С его обитателями он разберется, когда окажется на той стороне. И других препятствий на пути к крепости у него не будет.

Однако ближайшей задачей Эцио был спуск к мосту по каскаду черных, почти отвесных скал. Тут бы спасовали даже горные козы. Что еще хуже, спускаясь к мосту, ассасин будет виден караульным.

Он посмотрел на солнце. Светило недавно прошло зенит. Эцио прикинул время: до крепости он доберется часа через четыре. Но попасть туда он должен еще до наступления темноты.

Аудиторе подошел к краю выступа и начал медленный, утомительный спуск. Он старался ни в коем случае не задеть шатких камней, иначе они с грохотом понесутся вниз и насторожат тамплиеров, охранявших мост. Он взмок от напряжения. Единственным союзником Эцио сейчас было солнце. Оно находилось у него за спиной, светя прямо в глаза всем, кто вздумал бы поднять голову и посмотреть на склон. Ассасин мысленно поблагодарил светило за помощь. Главное – успеть спуститься.

Место, куда спустился Эцио, находилось на расстоянии примерно пятидесяти метров от западного конца моста и было надежно скрыто частоколом невысоких

скал. Становилось холоднее. Ветер, утихший днем, снова усилился. Мост с почерневшими веревочными перилами и узкими дощечками для прохода раскачивался и громко скрипел. Услышав скрип, из караульного домика выскочили двое солдат, порыскали взад-вперед и вернулись обратно, не рискуя ступить на мост. Они были вооружены арбалетами и мечами.

Свет быстро тускнел, и это мешало определить расстояние. Но Эцио сейчас и не требовалось яркого освещения. Так ему было легче сливаться с окружающими скалами. Словно тень, он приближался к мосту. Оставалось самое трудное – перебраться через пропасть. На мосту не спрячешься. Вдобавок Эцио был безоружен.

Остановившись в паре метров от входа на мост, он снова замер, следя за караульными. Вид у них был скучающий. Они явно мерзли. Тоже хорошо; значит, не сразу поймут, что к чему. В этот момент внутри домика зажглась масляная лампа. Значит, караульных было по крайней мере трое.

Эцио не мог переходить мост с пустыми руками. Ему требовалось хоть какое-то оружие. Эцио помнил, что здешние скалы сложены из кремня. Под ногами валялось немало осколков. Их черная поверхность поблескивала в лучах заходящего солнца. Эцио выбрал тот, что длиной и шириной напоминал кинжал. Он нагнулся за осколком и задел соседние камни. Те с шумом откатились. Ассасин застыл.

Но звук не насторожил караульных. Длина моста была примерно тридцать метров. Прежде чем караульные спохватятся, он сумеет одолеть половину расстояния. И ждать больше нельзя, иначе он упустит драгоценное время.

Переход по мосту оказался непростым занятием. Ветер усилился. Мост раскачивался и пугающе скрипел. Эцио был вынужден обеими руками держаться за перила, иначе его могло сдуть. Драгоценное время было упущено. Караульные увидели его раньше, чем он рассчитывал. Началось с требований остановиться и угроз. Это подарило Эцио несколько секунд. Видя, что угрозы на него не действуют, солдаты сдернули с плеч арбалеты, вставили стрелы и нажали курки. В это время из будки выскочило еще трое.

Недостаток света мешал целиться, однако стрелы пролетали в опасной близости от Эцио, вынуждая его нагибаться и уворачиваться. Где-то на середине моста у

него под ногой хрустнула и обломилась доска, едва не зажав ему ногу. Случись такое, с ним было бы кончено. Ему повезло дважды: арбалетная стрела прошла совсем рядом с его шеей, пробив капюшон, – Эцио успел лишь почувствовать ее жаркое дыхание.

Караульные перестали стрелять и занялись чем-то другим. Эцио напряг зрение.

Лебедки!

Сейчас они снимут мост с крюков, прицепят к лебедкам и опустят вниз. Веревки на барабанах обеих лебедок было достаточно. Караульные рассчитывали, что Эцио соскользнет в пропасть, а потом они снова поднимут и закрепят мост.

Merda![7 - Дерьмо! (ит.)] Второй раз за день он мог угодить в пропасть! Эцио отчаянно рванулся вперед, рискуя сам сорваться с моста. До конца оставалось не более пяти метров, и тогда ассасин прыгнул. В ту же секунду мост рухнул. Преодолев последние метры по воздуху, Эцио приземлился на одного караульного, ударив ногой второго. Первому он всадил кремневый осколок в шею и хотел сразу же выдернуть, но его импровизированный кинжал сломался, натолкнувшись на кость. Очутившись на ногах, Эцио быстро повернулся ко второму караульному, еще не успевшему прийти в себя, выхватил его меч и располосовал солдату грудь.

Трое оставшихся караульных бросили арбалеты и схватились за мечи, пытаясь оттеснить Эцио к обрыву и столкнуть вниз. Как всегда в минуты опасности, ассасин быстро оценил обстановку. Кроме этих троих, в домике больше никого не было. Никто не поднимет тревогу. Нужно их убрать и вернуться в крепость раньше, чем караульных хватятся. Но солдаты были рослыми и сильными. Они не несли караул и выглядели свежими и отдохнувшими.

Эцио поднял трофейный меч и поочередно оглядел всех троих. Но что это он прочел в их глазах? Страх? Неужели им страшно?

– Ах ты, ассасинский пес! – крикнул один из троих и сплюнул, однако голос у него дрожал. – Ты, должно быть, с дьяволом снюхался!

– Если кто и снюхался с дьяволом, так это вы, – огрызнулся Эцио и бросился на них.

Страх караульных был главным его союзником. Они ведь считали, что он наделен сверхъестественной силой. Se solo![8 - Если бы! (ит.)]

Караульные попытались его окружить. Они так громко выкрикивали проклятия, что Эцио поспешил их утихомирить. Страх делал их удары хаотичными и бессмысленными. Вскоре и эти трое были мертвы. Ассасин затащил все тела в караульный домик. Времени вытянуть мост у него уже не было, да к тому же такая работа не под силу одному. Он подумал, не переодеться ли в мундир караульного, однако не стал терять драгоценное время, поскольку темнота буквально наступала ему на пятки.

Путь к цитадели был свободен. В сумерках Эцио сливался с окружающей местностью.

Он беспрепятственно подошел к стенам крепости с той стороны, где его не могли увидеть. Солнце почти село, и только над далекими западными утесами небо еще оставалось оранжево-красным. Похолодало. Ветер дул все сильнее. Время и природные стихии потрудились над старыми стенами крепости. Влезть на них было достаточно просто, особенно для такого опытного ассасина, как Эцио. В Риме он долго изучал чертеж крепости, и тот врезался ему в память. Собрав последние силы, он полез вверх. Каких-нибудь сто метров, и он достигнет внешнего входа. Там будут ворота, а за воротами – проход к цитадели со всеми ее строениями и башнями.

Подъем оказался труднее, чем он думал. Снова саднили руки и ноги. Жаль, что у него не было при себе никаких приспособлений, облегчающих подъем и позволяющих сберечь силу рук. Единственным его «приспособлением» оставалась воля. Эцио упрямо лез вверх. Когда за зубчаткой гор догорели последние краски заката и на небе появились неяркие звезды, он достиг прохода, что тянулся на несколько метров ниже бойниц внешней стены. Ее сторожевые башни отстояли друг от друга на пятьдесят метров. Находившиеся там караульные смотрели не вниз, а вдаль, в сторону моста. Судя по приглушенным крикам, долетавшим оттуда, тамплиеры уже обнаружили убитых караульных.

Эцио перевел взгляд на башню-хранилище. Его сумки вместе с драгоценным арсеналом тамплиеры наверняка перетащили туда, спрятав в подземной

кладовой.

Он спрыгнул с прохода, стараясь держаться в тени. Свернул налево, туда, где, если верить чертежам, находился вход в башню.

12

Эцио крался бесшумно, как пума, постоянно держась в тени. Своей цели он достиг без новых стычек. Шумное сражение погубило бы все его замыслы. Если бы он снова попался в руки тамплиеров, с ним не стали бы церемониться и прихлопнули бы на месте. Караульных внутри крепости почти не было – большинство стояло на парапетах. Остальные, должно быть, высыпали наружу и искали его, довольствуясь тусклым светом звезд. Убийство в караульном домике явно заставило тамплиеров удвоить усилия, поскольку теперь его противники знали наверняка: ассасин жив.

У входа в подземную кладовую, за грубым деревянным столом, сидели двое немолодых караульных. На столе высился оловянный кувшин с красным вином и две порожние кружки. Сами караульные храпели, уронив головы на стол. Эцио с величайшей осторожностью подобрался к ним, увидев на боку у одного кольцо с ключами.

Давным-давно, когда он еще был совсем молодым парнем, Паола – ассасин и содержательница дорогого флорентийского публичного дома – учила его искусству обчищать чужие карманы. Эцио не забыл ее уроки. Бесшумно, стараясь, чтобы ключи не звякнули и не разбудили караульных, он приподнял кольцо и стал развязывать кожаный ремешок, которым оно крепилось к поясу караульного. Усталые и озябшие пальцы были не такими ловкими, как прежде. Узел не желал развязываться. Эцио потянул сильнее, еще сильнее, и караульный шевельнулся. Ассасин замер на месте. Обе его руки были заняты, и он не мог схватить меч караульного. Однако солдат лишь фыркнул и продолжал спать. Судя по наморщенному лбу, он видел не самый приятный сон.

Наконец кольцо с ключами оказалось в руках Эцио. Он на цыпочках миновал спящих и устремился в коридор, освещенный факелами. По обеим его сторонам темнели тяжелые, окованные железом двери.

Аудиторе приходилось работать очень быстро, но перед ним стояла непростая задачка – опробовать каждый ключ из связки на каждой из дверей коридора. При этом работать надо было так же бесшумно. На пятой двери ему повезло. За ней находился внушительный арсенал, аккуратно разложенный на деревянных полках, которые тянулись вдоль стен.

Эцио захватил из коридора факел и с его помощью вскоре нашел свои сумки. Он быстро осмотрел их содержимое: оказалось, что тамплиеры даже не заглядывали внутрь. Эцио облегченно вздохнул. На его вечных врагов работали весьма одаренные люди, которые вполне могли скопировать устройство скрытых клинков. Лучше не думать, каким бедствием это обернулось бы для ассасинов.

Эцио прицепил к поясу саблю: вытащив ее из ножен, убедился, что с лезвием все в порядке, и вложил обратно. Потом надел защитный наруч на левую руку и приладил исправный скрытый клинок. Поломанный клинок для правой руки он бережно завернул в тряпку и снова уложил в сумку. Ни одна его вещь не должна оставаться у тамплиеров, тем более что он не терял надежды починить свое любимое оружие. Пистолет он тоже решил пока не вынимать. Проверив арсенал, ассасин достал парашют и убедился, что ткань не порезана и не порвана. Парашют был новым изобретением Леонардо, но Эцио пока не представлялось случая испытать новинку в действии.

Сложив парашют, Эцио повесил обе сумки на плечо и надежно закрепил. Потом вышел, запер дверь, миновал продолжавших храпеть караульных и выбрался наружу. Его дальнейший путь лежал наверх.

Забравшись на верхний этаж башни, Эцио нашел себе укромное местечко. Оно привлекло его тем, что выходило в сторону сада, находящегося позади Масиафа. Если чертежи замка, которые он видел в Риме, были верными, под садом располагалась библиотека великого Альтаира – Наставника ассасинов, управлявшего братством почти триста лет назад. Если отец в своем письме ничего не преувеличил, библиотека Масиафа была источником всех знаний и силы ассасинов.

И тамплиеры появились в замке с той же целью – найти библиотеку. В этом Эцио не сомневался. На кромке внешней стены башни, обращенной к саду, была большая каменная скульптура орла со сложенными крыльями. Но казалось, еще мгновение, и он расправит крылья, вспорхнет и устремится вниз, чтобы камнем

упасть на выслеженную добычу. Эцио потрогал орла, проверяя, прочна ли скульптура и насколько. Невзирая на громадный вес, каменная птица слегка качнулась.

Прекрасно.

Эцио устроился возле орла, решив провести здесь остаток ночи – отдых был ему крайне необходим. Недосып может дорого ему обойтись. Наверное, тамплиеры принимали его за полудьявола. Однако Эцио прекрасно знал: он – человек, который тоже способен уставать.

Он уже собирался закрыть глаза, как вдруг… Мелькнувшее сомнение заставило Эцио вглядеться в сад, темневший внизу. Ни малейших следов раскопок. Неужели он ошибся?

Ассасин сосредоточился, придав своим глазам силу орлиного зрения, и тщательно осмотрел все пространство сада. Максимально напрягая уставшие глаза, он наконец сумел рассмотреть тусклое свечение, шедшее из-под земли там, где стояла беседка. Ее мозаичный пол почти скрывался под кустиками травы. Эцио довольно улыбнулся. По остаткам мозаичной картины он узнал богиню Минерву.

Солнце едва успело подняться над восточными парапетами. Короткий сон освежил Эцио. Он сидел на корточках возле каменного орла. Наступало время действовать, и действовать быстро. Каждая лишняя минута, проведенная здесь, увеличивала опасность быть обнаруженным. Тамплиеры не отказались от попыток его найти. Наоборот, его дерзкий побег лишь разжег в них ненависть. Упустить ассасина, когда он уже был у них в руках! Теперь они, наверное, выли от желания отомстить.

Эцио прикинул расстояние и направление предстоящего броска. Затем уперся сапогом в орла и хорошенько толкнул каменную птицу. Покачнувшись на постаменте, орел опрокинулся через парапет, закувыркался в воздухе и упал на мозаичный пол беседки. Эцио задержался всего на пару секунд – проверить полет каменного орла, – затем прыгнул следом, совершив то, что у ассасинов называлось «прыжком веры». Он давно не делал ничего подобного, и сейчас его охватило знакомое ликование.

Первым упал орел. Эцио летел по той же кривой, отставая на десяток метров. Оба неслись к поверхности, на вид казавшейся очень прочной.

Эцио было некогда попросить Бога уберечь его от ошибки. Если он ошибся, вскоре у него не останется времени ни на молитвы, ни на все остальное.

Орел приземлился первым – в самую середину мозаики.

На мгновение привиделось, что каменная скульптура разбилась вдребезги. Нет, вдребезги разбилась мозаика, обнажив широкий колодец, уходящий вниз. Туда и упали Эцио с орлом. Колодец выбросил их в подземную галерею, но не прямую, а наклонную. Сила тяжести потащила ассасина вниз. Он скользил ногами вперед, пытаясь руками замедлить скольжение. Галерея обрывалась над громадным подземным прудом, куда шумно плюхнулся орел. Следом туда же нырнул и Эцио.

Вынырнув, он увидел, что пруд находится в центре большого помещения. Нечто вроде громадной передней с дверью из темно-зеленого камня, отполированной временем.

Эцио оказался здесь не один. На гранитном берегу пруда, возле двери, он увидел нескольких тамплиеров. Изумленные, они что-то закричали, держа наготове мечи. С ними был еще один человек в одежде ремесленника и пыльном полотняном фартуке. На поясе у него висела кожаная сумка с инструментами. Судя по виду, каменщик. Сжимая в одной руке молоток, а в другой – большое зубило, ремесленник стоял с разинутым ртом и глазел на появление странного человека.

Едва Эцио подплыл к гранитному берегу, подбежавшие тамплиеры обрушили на него град ударов. Он успешно отбил их все и сумел подняться на ноги.

И вновь он почувствовал их страх, которым сразу же воспользовался и атаковал первым. Правая рука сжимала саблю, левая держала наготове скрытый клинок. Быстрыми ударами он свалил первых двух нападавших. Оставшиеся трое отступили, чтобы быть вне досягаемости, и нападали на него по очереди, как рассерженные гадюки. Они явно старались рассеять его внимание.

Но их удары не были надлежащим образом согласованы. Одного Эцио сумел плечом спихнуть в пруд. Солдат утонул почти сразу же. Черная вода заглушила его отчаянные крики о помощи. Пригнувшись, Эцио подхватил четвертого и перекинул через себя. Тамплиер упал на жесткий гранитный пол, а поскольку шлем с его головы слетел несколькими мгновениями раньше, падение раскроило ему череп со странным хлопком, напомниавшим звук выстрела.

Пятый был капралом. Он топал ногами, требуя от каменщика продолжать работу, но бедняга оторопел и не мог пошевелиться. Видя, что Эцио приближается к нему, капрал, бормоча ругательства, стал пятиться, пока не уперся в стену. Ассасин не намеревался его убивать, а хотел лишь оглушить. Но капрал, улучив момент, замахнулся кинжалом, намереваясь ударить Эцио в пах. Ассасин увернулся и схватил капрала за плечо:

– Жаль, приятель. Я собирался тебя пощадить. Но ты не оставил мне иного выбора.

Молниеносным ударом сабли он отсек капралу голову.

– Requiescat in pace[9 - Мир праху твоему (лат.).], – тихо произнес Эцио и повернулся к каменщику.

13

Человек был почти ровесником Эцио, но успел растолстеть и находился отнюдь не в лучшей форме. Сейчас он и вовсе дрожал, словно громадная осина.

– Не убивай меня, господин! – взмолился каменщик, сжимаясь от страха. – Я всего лишь ремесленник. Жалкий бедняк, которому надо кормить семью.

– Зовут тебя как?

– Адад, господин.

– Какой работой ты здесь занимался? Что тебе велели делать эти люди?

Эцио нагнулся, чтобы вытереть лезвия клинка и сабли о мундир мертвого капрала. Потом он вложил саблю в ножны и убрал клинок. Это немного успокоило каменщика. Но в руках пугливого толстяка оставались молоток и зубило, а потому ассасин не терял бдительности.

– Я все больше землю копал. Тяжелая это работа, скажу тебе, господин. Почитай, целый год у меня ушел, чтобы только найти проход сюда.

Адад всматривался в Эцио, пытаясь обнаружить на лице ассасина хотя бы каплю сочувствия. Убедившись, что господин не собирается его жалеть, он продолжал:

– Я здесь ковыряюсь уже три месяца. Мне велели открыть эту дверь. Вот и мучаюсь с нею.

Эцио перевел взгляд на дверь.

– Не больно-то ты преуспел, – усмехнулся он.

– Какое там преуспел! Я и борозды сделать не сумел. Этот камень тверже стали.

Эцио провел рукой по камню, гладкому, будто стекло.

– Эта дверь охраняет вещи, которые ценнее всего золота мира.

Теперь, когда угроза смерти миновала, глаза каменщика, услышавшего про сокровища, жадно вспыхнули.

– Ага! Значит, там спрятаны драгоценные камни? Самоцветы?

Эцио насмешливо взглянул на него и затем продолжил осматривать дверь.

– Здесь замочные скважины. Их пять. Где ключи?

– Мне мало что рассказывают. Но я знаю, что один ключ тамплиеры уже нашли под дворцом оттоманского султана. А про остальные, наверное, в их книжечке написано.

– Ты говоришь про дворец султана Баязида? И что это за книжечка?

Каменщик пожал плечами:

– Похожа на дневник, что ведут грамотные люди. Здесь есть свирепый капитан. У него еще шрам во все лицо. Он эту книжечку повсюду с собою носит.

Эцио сощурился, обдумывая услышанное. Затем он полез в поясную сумку и достал полотняный мешочек, который бросил Ададу. Каменщик поймал неожиданное вознаграждение, наслаждаясь звоном монет.

– Возвращайся домой, – сказал ему ассасин. – Поищи себе другую работу. У честных людей.

Довольный Адад сразу помрачнел:

– Ты не представляешь, с какой бы радостью я от них ушел. Убежал бы без оглядки из этой крепости. Но эти люди… они меня убьют за одну лишь попытку.

Эцио обернулся, глядя на галерею, по которой попал сюда. С поверхности пробивался тонкий лучик света.

– Собирай инструменты, – сказал он каменщику. – Теперь тебе нечего бояться.

14

Выбирая коридоры и лестницы, где у него было меньше шансов наткнуться на тамплиеров, Эцио беспрепятственно достиг парапета стены. По-прежнему дул холодный ветер, и выдыхаемый воздух превращался в облачка пара. Ассасин перебрался на ту часть стены, которая глядела в сторону Масиафа – одноименной деревни, что притулилась на склоне, в тени громадной крепости. Он понимал, что выбраться из крепости можно лишь через ворота, которые сейчас тщательно охранялись. Но ему требовалось выследить бритоголового капитана с обезображенным лицом. Сейчас этот человек наверняка находился в

деревне, наблюдая за поисками сбежавшего ассасина.

Тамплиеры рыскали по всему селению. Эцио увидел это, едва поднявшись на парапет. Солдаты допрашивали жителей на улице и дома. Ассасин встал спиной к солнцу. Убедившись, что снизу его не видно, он достал из сумки парашют и торопливо надел на себя. Расстояние до деревни было достаточно большим, а спуск вниз – смертельно опасным для самого смелого «прыжка веры».

Парашют имел форму треугольного шатра и был сшит из прочного шелка. Необходимую жесткость ему придавали распорки из тонкой стали. Концы всех четырех веревок на углах парашюта Эцио привязал к подобию упряжи, которая быстро отстегивалась. Упряжь он защелкнул у себя на груди. Оставалось проверить скорость ветра. Убедившись, что вверх никто не смотрит, Эцио прыгнул с парапета.

При других обстоятельствах он обязательно насладился бы волнующим ощущением полета. Сейчас Эцио заботило управление парашютом. Он маневрировал, пользуясь восходящими и нисходящими потоками воздуха и стараясь подражать движениям орла. Спуск прошел удачно. Аудиторе приземлился в десятке метров от ближайшего дома. Парашют он быстро свернул и спрятал в сумку, после чего отправился в деревню.

Поиски сбежавшего ассасина превратили тамплиеров в зверей. Они выволакивали людей из домов. Тех, кто отвечал недостаточно быстро и внятно, избивали. Эцио смешался с толпой, всматриваясь и вслушиваясь.

Какой-то старик стоял на коленях, умоляя тамплиерского головореза пощадить его.

– Помогите мне! Кто-нибудь, помогите мне! – кричал старик, но его никто не слушал.

– Отвечай, старый пес! – орал тамплиер. – Еще раз спрашиваю: где он?

Неподалеку двое таких же головорезов избивали молодого парня, а тот пытался закрыться руками и тоже умолял его не бить. Еще кого-то повалили на землю и били по спине дубинками.

– Я невиновен! – вопил несчастный.

– Где… Он… Прячется?! – спрашивали тамплиеры, нанося удар за ударом.

Жестокое обращение распространялось не только на мужчин. Пройдя еще немного, Эцио увидел троих тамплиеров, издевающихся над женщиной. Эти были настолько трусливы, что двое держали жертву за руки, а третий ее избивал. Женщина совсем обессилела и только тихонько всхлипывала, умоляя их остановиться.

– Я ничего не знаю! Чем я перед вами провинилась?

– Выдашь нам ассасина, и никто тебя пальцем не тронет, – ухмыльнулся ее мучитель и, наклонившись к ее лицу, добавил: – А иначе…

Эцио отчаянно хотелось вмешаться. Но усилием воли он заставил себя сосредоточиться на поисках капитана. Бритоголового он увидел, подойдя к внешним воротам деревни. И как раз вовремя! Капитан взбирался на козлы и так спешил уехать, что не дал кучеру слезть с повозки, столкнув его на землю.

– Не путайся под ногами! – рявкнул капитан. – ???? μ????? ??? ?? ???μ? μ??![10 - Прочь с моей дороги! (греч.)]

Схватив поводья, бритоголовый сердито обернулся к своим солдатам:

– Никто из вас не уйдет из деревни, пока ассасин не будет схвачен и убит! Понятно? Ищите его!

До сих пор Эцио доводилось слышать в основном арабскую и итальянскую речь, но капитан говорил по-гречески. Неужто бритоголовый – византиец, оказавшийся в рядах тамплиеров? Должно быть, потомок византийских греков, бежавших из Константинополя почти шестьдесят лет назад, когда султан Мехмед захватил город. Эцио знал, что большинство изгнанников затем осели на полуострове Пелопоннес, однако турки добрались и туда. Многие погибли, однако часть изгнанников сумела уцелеть. Даже сейчас в Малой Азии и на Ближнем Востоке оставались небольшие византийские общины.

Эцио вышел из толпы.

Увидев его, тамплиерские солдаты заволновались.

– Господин капитан! – крикнул один из сержантов. – Пока мы искали ассасина, он успел найти нас.

Вместо ответа капитан выхватил кучерский хлыст и огрел лошадей:

– Пошли! Быстрей!

Эцио бросился следом. Солдаты попытались было его задержать, но ассасина вновь выручила его кривая сабля. Он сделал отчаянный бросок, но схватиться за край повозки не сумел. Тогда он схватился за толстую веревку, волочащуюся по земле. Повозка дернулась и помчалась дальше, увлекая Эцио за собой.

Стискивая зубы от напряжения, Аудиторе перебирал руками, подтягивая себя к краю повозки. Сзади послышался топот копыт. Двое тамплиерских всадников скакали вслед за повозкой, размахивая мечами. Приближаясь, они выкрикивали предупреждения капитану. Тот неистово хлестал лошадей, заставляя несчастных животных нестись галопом. Вдогонку выехала еще одна повозка, легче первой. Она стремительно приближалась.

Эцио подбрасывало на каменистой дороге, но он упрямо двигался к цели. До заднего борта повозки оставалась всего пара метров. В этот момент его настигли всадники. Эцио втянул голову в плечи, ожидая удара, но его спасла невнимательность противников. Они увлеклись погоней, совсем забыв про лошадей, и те столкнулись, когда до Эцио было рукой подать. Дорогу окутало облаком пыли, когда испуганные лошади отчаянно заржали, а упавшие всадники принялись не менее отчаянно ругаться.

Каждое движение отдавалось болью в руках. Эцио с трудом заставил себя одолеть последний метр, отделявший его от борта. Извиваясь всем телом, он вполз на повозку и застыл, глотая воздух.

Вторая повозка была почти рядом. Капитан орал, требуя, чтобы его люди двигались вровень, и, когда это случилось, он перепрыгнул в их повозку,

столкнув тамошнего кучера. Бедняга успел лишь вскрикнуть. Падая, он ударился о придорожный валун и с жутким грохотом отлетел в сторону, после чего замер, неестественно вывернув голову.

Капитан подхватил вожжи и хлестнул лошадей. Эцио успел перебраться на кучерское сиденье первой повозки и сделал то же самое. Саднящие мышцы отказывались ему подчиняться, но он цепко держал поводья. Обе лошади были в мыле. Они мотали мордами, очумело вращали глазами и фыркали кровавой пеной. Непонятно, откуда они брали силы, но повозка Эцио не отставала от капитанской. Видя это, бритоголовый резко свернул к старым воротам, которые держались на полуразрушенных кирпичных колоннах. Краем повозки задело одну из них, и колонна едва не рухнула на лошадей Эцио. Он успел взять правее. Повозку вынесло на обочину, где росли колючие кустарники. Ассасин впился в левую вожжу, пытаясь вернуть лошадей на разбитую дорогу. Пыль заставляла его щуриться. Мелкие камешки, вылетавшие из-под колес, царапали ему щеки. Но погоня продолжалась.

– Убирайся в ад, чертово отродье! – обернувшись назад, прокричал капитан.

Солдаты, ехавшие с ним, перебрались в конец повозки. Каждый взял в руки по бомбе.

Эцио принялся петлять. Бомбы рвались то слева, то справа, то сзади. В любое мгновение перепуганные лошади могли встать на дыбы и опрокинуть повозку. К счастью для ассасина, солдаты были скверными бомбометателями и постоянно промахивались.

Тогда капитан вдруг замедлил бег лошадей. Эцио не успел сделать то же самое. Когда его повозка оказалась рядом с капитанской, бритоголовый резко дернул вожжи, и повозки столкнулись боками.

Неистовство капитана граничило с безумием. Он дико вращал глазами. Шрам на его вспотевшем лице стал мертвенно-синим. Несколько мгновений противники смотрели друг на друга сквозь тонкую завесу пыли.

– Сдохни, мерзавец! – рявкнул бритоголовый и повернулся вперед.

Только сейчас Эцио заметил впереди сторожевую башню, а чуть дальше – другую деревню. Больше Масиафа, частично укрепленную. Похоже, тамплиеры стремились обезопасить свои тылы.

Капитан с торжествующим воплем хлестнул лошадей, и, когда его повозка покатилась в сторону башни, солдаты бросили еще две бомбы. Одна из них почти достигла цели, взорвавшись под задним колесом Эцио. Повозку подбросило в воздух, а ассасин рухнул на землю. Лошади понеслись, не разбирая дороги, увлекая за собой обломки повозки. Под их ржание, больше похожее на вопли ведьм, Эцио покатился в неглубокий овраг, что тянулся справа от дороги. На дне оврага росли колючие кустарники, в которые ассасин и угодил.

Он лежал неподвижно, глядя на комья серой жесткой земли. Сил не было ни на что, даже на мысли. Кажется, он переломал себе все кости. Эцио закрыл глаза и стал ждать конца.

15

Эцио различил голоса, раздававшиеся будто бы с большого расстояния. Ему показалось, что он снова увидел молодого человека в белом плаще, который появлялся накануне его пленения и потом, на соседнем помосте. Юноша не вмешивался в происходящее и не пытался помочь, но вроде бы был на его стороне. Потом перед глазами мелькнули лица его давно казненных братьев Федерико и Петруччо. Затем Клаудии. На несколько мгновений появились лица отца и матери и, наконец, лицо той, которую он не звал и не хотел видеть, – прекрасное и одновременно жестокое лицо Катерины Сфорца.

Видения исчезли, а голоса остались. Теперь, когда к Эцио стали возвращаться привычные ощущения, голоса звучали громче. Пахло землей, к которой он прижимался щекой. Вкус земли был и у него на языке. Пробуждавшееся тело откликалось болью во всех частях. Эцио боялся, что всерьез покалечился и уже не сможет ходить.

Голоса доносились откуда-то сверху. Слов он не различал. Может, это тамплиеры вернулись, чтобы проверить, жив он или нет? Но кусты должны были

надежно скрывать его от чьих-либо глаз.

Эцио дождался, когда голоса стихнут, и тогда осторожно попробовал согнуть руки, а потом и ноги, попутно выплевывая набившуюся в рот землю.

Ему опять повезло: он ничего не сломал. Морщась от боли, он медленно выполз из кустов и встал на ноги. Затем осторожно выбрался из оврага на дорогу.

И как раз вовремя. Впереди, почти в двух сотнях метров, он увидел бритоголового капитана. Тот входил в ворота деревенской крепостной стены. Придерживаясь левой стороны дороги, чтобы при случае спрятаться в кустах, Эцио пошел в деревню. Все мышцы его тела были решительно против этой затеи.

– Раньше было проще, – горестно признался себе ассасин.

Ему не оставалось иного, как заставить себя сделать еще шаг. И еще. Достигнув стены, он пошел вдоль нее, отыскивая место, где можно вскарабкаться.

На парапете было пусто. Никто не заметил появления Эцио. Он перелез внутрь и оказался в деревне, на каком-то скотном дворе. И там тоже никого не было, если не считать двух телок, которые отскочили в сторону и остановились, испуганно поглядывая на Эцио. Он выждал еще немного, на случай появления собак, потом открыл ветхую калитку и пошел на звук голосов. Деревня выглядела опустевшей. Голоса слышались со стороны площади. Там Эцио снова увидел бритоголового капитана и спрятался за сараем. Капитан стоял на вершине невысокой башенки в углу площади и распекал двоих угрюмых сержантов. За их спинами молчаливой толпой стояли жители деревни. Слова капитана перекликались с мерным стуком водяного колеса, установленного на речке, что текла через деревню.

– Похоже, я здесь единственный, кто знает, с какого бока подойти к лошади, – сердито бросал им капитан. – Пока мы не убедимся, что на этот раз он действительно мертв, вы должны постоянно быть начеку. Это мой приказ. Вам понятно?

– Так точно, – мрачно ответили сержанты.

– Сколько раз он ускользал у вас из-под самого носа? – не унимался капитан. – Слушайте внимательно и запоминайте. Если через час вы не бросите его голову к моим ногам, то лишитесь своих!

Капитан умолк. Повернувшись, он посмотрел на дорогу, теребя пальцами заводной рычаг арбалета.

Пока длилась капитанская тирада, Эцио успел смешаться с местными жителями. После приключений на дороге его одежда почти не отличалась от их лохмотьев. Толпа, согнанная на площадь, начала расходиться, возвращаясь к привычным занятиям. Лица людей были хмурыми и настороженными. Соответствующим было и их настроение. Парень, стоявший впереди Эцио, споткнулся о камешек и случайно задел локтем соседа.

– Смотреть под ноги надо, раззява! – накинулся на него сосед.

Капитан, слышавший перепалку, повернул голову на шум и сразу же заметил Эцио.

– Ты?! – закричал капитан.

Он тут же вскинул арбалет, завел пружину и выстрелил.

Эцио быстро пригнулся. Стрела пролетела над ним, вонзившись в того, кто недавно обругал споткнувшегося парня. Раненый отчаянно завопил, хватаясь за руку. Капитан перезарядил арбалет, но ассасин уже успел спрятаться.

– Ты все равно не уйдешь отсюда живым! – пообещал капитан и снова выстрелил.

На этот раз стрела никого не покалечила, вонзившись в дверной косяк, за которым прятался Эцио. Видно, капитан немного струсил. Пока судьба благоволила ассасину, но удача в любой момент могла его покинуть. Нужно убираться отсюда, и побыстрее. Над головой просвистело еще две стрелы.

– У тебя нет выхода! – орал капитан. – Пойми это, жалкий старый пес, и выйди навстречу смерти.

Он опять выстрелил.

Затаив дыхание, Эцио метнулся к другой двери, схватился за верхнюю перемычку косяка, подтянулся и вылез на плоскую крышу. Пока он бежал, мимо уха пронеслась очередная стрела.

– Имей смелость умереть! – не унимался капитан. – Настал твой последний час, и ты должен это принять, хотя и находишься вдалеке от своей римской конуры! Выходи навстречу своему палачу!

Солдаты бежали к воротам, чтобы отрезать Эцио пути отступления. С капитаном остались лишь двое проштрафившихся сержантов. Колчан арбалетных стрел был пуст. Что касается местных жителей, они уже давно попрятались по домам.

Крышу со всех сторон окружала невысокая стенка. Спрятавшись за ней, Эцио достал из сумки пистолет и приладил наруч.

– Что за упрямство? Почему ты не желаешь сдаваться? – спросил капитан и вынул меч.

Эцио встал.

– Меня этому не учили! – звонко крикнул он, подняв руку с пистолетом.

Увидев оружие, капитан побледнел.

– Прочь с дороги! – рявкнул он сержантам и спрыгнул с башни.

Пуля Эцио нашла свою цель, когда капитан еще был в воздухе. Она вонзилась в коленное сухожилие. Взвыв, бритоголовый рухнул на землю, рассек голову об острый камень и откатился в сторону.

Никто из солдат не прибежал на звук выстрела. Либо они всерьез считали ассасина полудьяволом и боялись с ним связываться, либо их любовь к капитану была не слишком велика. На площади было тихо, если не считать мерного стука водяного колеса и капитанских стонов.

– Черт бы тебя побрал, – пробурчал капитан, краешком глаза увидев приближающегося Эцио. – Чего ты теперь ждешь? Добивай меня!

– Мне от тебя кое-что нужно. – Эцио перезарядил пистолет, заполнив оба патронника. Капитан таращился на миниатюрное оружие.

– А старый пес еще не разучился кусаться, – процедил сквозь зубы капитан.

Кровь текла у него из колена и еще сильнее – из раны на левом виске.

– Ты постоянно носишь с собой одну книжку. Где она?

– Старый дневник Никколо Поло? – в свою очередь спросил изумленный капитан. – Ты знаешь и об этом? Ты меня удивляешь, ассасин.

– Я полон сюрпризов, – ответил Эцио. – Давай сюда дневник.

Видя, что никто не спешит ему на помощь, капитан нехотя полез внутрь мундира и извлек старинную книгу в кожаном переплете примерно тридцать на пятнадцать сантиметров. У капитана тряслись руки. Он бросил дневник на землю и презрительно рассмеялся:

– Можешь забирать. Мы выудили отсюда все тайны и уже нашли первый из пяти ключей. Когда найдем остальные, Великий Храм и вся его мощь станут нашими.

Эцио смотрел на него, ощущая брезгливую жалость.

– Тебя обманули, капитан. В Масиафе нет никакого храма. Только библиотека, полная мудрости.

Капитан сощурился:

– Твой предшественник Альтаир целых шестьдесят лет владел Яблоком. Он узнал много больше того, что ты называешь мудростью. Он узнал… все!

Эцио на мгновение задумался об услышанном. Он знал, что Яблоко покоится в склепе под одной из римских церквей. Они с Никколо Макиавелли надежно спрятали частицу Эдема. Шумное дыхание капитана вернуло его к действительности. Пока они говорили, бритоголовый истекал кровью. На лице появилась мертвенная бледность. Само лицо приобрело на удивление спокойное, умиротворенное выражение. Капитан испустил протяжный вздох, оказавшийся последним.

Эцио смотрел на недавнего врага.

– А ты был настоящим bastardo[11 - Ублюдок (ит.).], – сказал он. – И все же requiescat in pace.

Не снимая перчатки, он наклонился и закрыл капитану глаза.

Водяное колесо продолжало стучать. Если бы не оно, было бы совсем тихо.

Эцио взял дневник в руки. На обложке был вытиснен символ братства ассасинов. Позолота с тиснения давно сошла. Слегка улыбнувшись, Аудиторе раскрыл титульную страницу и прочел:

LA CROCIATA SEGRETA

Niccol? Polo

MASYAF, giugno, MCCLVII

CONSTANTINOPOLI, gennaio, MCCLVIII

(ТАЙНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Никколо Поло

МАСИАФ, июнь 1257 г.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, январь 1258 г.)

«Константинополь, – подумал он. – Ну конечно…»

16

Нос вместительной багалы[12 - Парусное судно, распространенное на арабском Востоке.] разрезал прозрачную голубую воду Белого моря. Оба ее квадратных паруса и кливер надувал попутный ветер. Эцио расположился на юте, под навесом, защищавшим от солнца, но не от крепнущего ветра. У него на коленях лежал дневник Никколо Поло.

Морское путешествие до Константинополя, начавшееся в сирийской гавани Латакия, поначалу вновь привело его на Кипр. Оттуда он поплыл на Родос. Там на борт судна поднялась новая пассажирка – красивая женщина лет тридцати. Зеленое платье великолепно сочеталось с ее медно-золотистыми волосами. С Родоса багала двинулась мимо Южных Спорад, прошла Дарданеллы и, наконец, достигла Мраморного моря.

И вот наступил последний день плавания. Матросы деловито перекликались. Пассажиры выстроились у планшира, чтобы полюбоваться впечатляющей панорамой великого города, щедро залитого солнцем. До берега оставалось еще треть лиги. Отправляясь в это плавание, Эцио раздобыл в Латакии карту Константинополя и сейчас пытался сообразить, какие части города он видит. Рядом с ним стоял богато одетый юный турок, которому вряд ли было больше двадцати лет. За время путешествия Аудиторе лишь раскланивался с ним, перебрасываясь несколькими фразами. Сейчас между ними невольно завязался разговор, из которого стало ясно, что юноша хорошо знает город. В отличие от остальных пассажиров, он был занят делом. В руках юноша держал морскую астролябию, производил какие-то измерения, а их результаты записывал в изящную книжечку, инкрустированную слоновой костью. Шелковым шнурком она крепилась к его поясу.

– А там что? – спросил Эцио, указав на интересующую его часть города.

Прежде чем сойти на берег, он хотел как можно больше узнать о Константинополе. Новости о его побеге из Масиафа скоро достигнут и этих мест, а потому нужно действовать быстро.

– Это Квартал Баязида. Строительство большой мечети султан закончил всего пять лет назад. Видите крыши позади нее? Это Большой базар.

– Теперь буду знать.

Эцио прищурился, чтобы лучше видеть панораму города. Жаль, что в свое время он не удосужился заказать Леонардо выдвижную зрительную трубу, о которой тот много говорил. Благодаря особому расположению увеличительных стекол эта труба позволяла значительно приближать удаленные предметы.

– Когда будете ходить по Большому базару, советую нарукавный кошелек перепрятать понадежнее, – сказал молодой человек. – Публика там весьма пестрая.

– Как на любом базаре.

– Эвет, – улыбнулся турок. – А там, где высятся башни, находится Имперский квартал. Серый купол – это знаменитая Айя-София, бывший христианский храм, который султан превратил в мечеть. А теперь посмотрите чуть вправо. Видите протяженное невысокое здание? На самом деле там несколько зданий. Два купола, соединенные вместе, и шпиль. Это дворец Топкапы. Топкапы-сарай по-нашему. Одно из первых зданий, которые мы построили после завоевания, но работы внутри продолжаются и до сих пор.

– Султан Баязид, наверное, сейчас находится у себя во дворце?

Лицо молодого человека немного помрачнело.

– Должен бы находиться. Но сейчас его там нет.

– Я должен с ним встретиться.

– Без приглашения вам к нему не попасть!

Ветер ослаб. Надутые паруса опали. Матросы свернули кливер. Капитан слегка развернул нос корабля, и взорам пассажиров открылись новые части Константинополя.

– А вот ту мечеть видите? – Почему-то молодой человек старался увести разговор от дворца Топкапы. – Это Фатих-джамии – мечеть Фатих. Первая мечеть, построенная султаном Мехмедом в честь победы над византийцами. Правда, когда мы вошли в город, их там оставалось совсем мало. Их империя умерла намного раньше нашего завоевания. Мехмед хотел, чтобы эта мечеть затмила собой Айю-Софию. Как видите, его желание исполнилось не вполне.

– Само по себе стремление султана достойно уважения, – дипломатично ответил Эцио, продолжая разглядывать красивую мечеть.

– Мехмед был разгневан, – продолжал юный турок. – Говорят, зодчему, строившему мечеть, он велел в наказание отрубить правую руку. Разумеется, это всего лишь легенда. Синан был слишком талантливым зодчим, чтобы так жестоко наказывать его.

– Вы говорили, что султана сейчас нет во дворце, – напомнил Эцио, осторожно возвращая разговор в интересующее его русло.

– Баязида? Да. – Лицо юноши вновь помрачнело. – Султан – великий человек, хотя на смену огню молодости пришли спокойствие и благочестие старости. К сожалению, он не ладит с Селимом – одним из своих сыновей. Разлад между ними обернулся войной, которая длится уже несколько лет.

Багала плыла вдоль южных стен города и вскоре обогнула их, устремившись на север, в пролив Босфор. Вскоре с правого борта открылся вид на обширную бухту. Корабль направился туда, пройдя под громадной цепью, висевшей у входа. Сейчас цепь была опущена, но в случае беспорядков или войны ее могли поднять и запереть вход в бухту.

– Эту цепь не поднимали со времен завоевания, – сказал молодой человек. – Она все равно не помешала Мехмеду захватить Константинополь.

– Но кому-то эта цепь заграждала вход в бухту, – ответил Эцио.

– Саму бухту мы зовем Халич. В переводе означает Золотой Рог. Башню на северной стороне видите? Это Галатская башня. Ее построили полторы сотни лет назад ваши соотечественники, генуэзцы. Кстати, они ее называли Башней Иисуса. Наверное, это вы и без меня знаете. Вы сами не из Генуи?

– Нет. Я флорентиец.

– Значит, я не угадал, – улыбнулся юноша.

– Флоренция – чудесный город.

– Аффедерсиниз, эфендим, – извинился молодой человек, – я не знаком с вашей частью мира. Правда, многие ваши соотечественники и сейчас здесь живут. Итальянцы давно и хорошо знают эти места. Я знаю про вашего знаменитого Марко Поло. Так вот, его отец Никколо вместе со своим братом еще двести с лишним лет назад успешно вели торговлю в Константинополе.

Молодой человек улыбнулся, чувствуя, что его познания произвели на Эцио должное впечатление. Он вернул разговор к Галатской башне.

– Возможно, вы сумеете на нее подняться. Со стражниками можно договориться. Если у вас получится, вы насладитесь захватывающим видом на город.

– Это было бы… полезно, – уклончиво ответил Эцио.

– Должно быть, вы слышали и про другого вашего знаменитого соотечественника, который здравствует до сих пор. Я имею в виду Леонардо да Винчи.

– Это имя мне знакомо.

– Менее десяти лет назад султан попросил сайина да Винчи-бея построить мост через Золотой Рог.

Эцио улыбнулся, вспомнив, что Леонардо вскользь упоминал о предложении султана. Можно представить, с каким жаром его друг взялся бы за столь

грандиозную работу.

– А чем это кончилось? – спросил Эцио. – Я что-то не вижу моста.

Молодой человек развел руками:

– Мне говорили, что ваш великий соотечественник сделал замечательные чертежи. Султану они понравились. Но дальше чертежей дело не пошло. Султан посчитал мост… вызывающе пышным.

– Non mi soprende[13 - Я не удивлен (ит.).], – пробормотал Эцио, больше для себя. – А вот та башня, наверное, маяк?

Речь шла о башне на островке, оставшемся за кормой. Посмотрев туда, молодой человек кивнул:

– Да. Это очень старая башня. Ей уже одиннадцать веков, если не больше. Мы называем ее Кыз-кулесы. Кстати, вы знаете турецкий язык?

– Плохо.

– Тогда я переведу. По-вашему это будет Девичья башня. Так ее назвали в память о дочери султана, которая умерла от укуса змеи.

– Но почему она жила в башне маяка?

Молодой человек вновь расплылся в улыбке:

– Говорят, она очень боялась змей и думала, что уж туда они не доберутся… А теперь вы можете полюбоваться акведуком Валента. Видите его двойные арки? Древние римляне умели строить на совесть. В детстве я очень любил лазить на него.

– А туда любопытно бы забраться.

– У вас такое выражение лица, будто вы не прочь попробовать!

– Кто знает, – улыбнулся Эцио.

Молодой человек открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Он смотрел на Эцио вполне дружелюбно. Ассасин знал, какие мысли бродят сейчас в голове юного турка: этот старик пытается убежать от своего возраста.

– Из каких краев вы возвращаетесь? – спросил Эцио.

Чувствовалось, молодой человек обрадовался вопросу, далекому от политики.

– Из Святой земли, – ответил он. – Из нашей Святой земли. Я говорю о Мекке и Медине. Каждый правоверный мусульманин должен хотя бы раз в жизни совершить паломничество туда.

– Вы решили сделать это пораньше.

– Можно сказать и так.

Некоторое время они молчали. Корабль плыл по спокойным водам Золотого Рога, приближаясь к гавани.

– Какая удивительная панорама, – нарушил молчание Эцио. – В Европе я не встречал похожих городов.

– Но эта часть города как раз находится в Европе, – улыбнулся молодой человек. – А вот та, – он указал на противоположный берег Босфора, – она уже в Азии.

– Все-таки есть границы, которые даже ваша империя не может преодолеть, – заметил ему ассасин.

– Их очень не много, – быстро ответил молодой человек.

Эцио показалось, что его слова не слишком понравились юному турку, считавшему свою империю непобедимой. Собеседник Аудиторе поспешил переменить тему:

– Вы сказали, что родом из Флоренции. Но ваша одежда говорит совсем другое. И уж простите за мою дерзость, мне показалось, что вы надели ее не вчера. Наверное, вы долго путешествовали?

– S?, da molto tempo[14 - Да, долго (ит.).]. Я выехал из Рима год назад, отправившись искать… вдохновение. И поиски привели меня сюда.

Молодой человек мельком взглянул на книгу в руках ассасина и ничего не сказал. Сам Эцио счел за благо больше ничего не говорить о «поисках вдохновения». Облокотившись на перила, он смотрел на городские стены, на корабли едва ли не из всех стран мира, в изобилии стоявшие у причалов. Багала медленно проплывала мимо них, приближаясь к месту своей стоянки.

– В детстве отец рассказывал мне истории о падении Константинополя, – сказал Эцио, посчитав дальнейшее молчание невежливым. – Это случилось за шесть лет до моего рождения.

Молодой человек бережно убрал астролябию в кожаный чехол и повесил себе на плечо.

– Мы называем этот город Костантинийе.

– А какая разница?

– Просто сейчас им владеем мы. Но вы правы. Костантинийе, Византия, Новый Рим, Красное Яблоко – не все ли равно? Говорят, Мехмед хотел переименовать город в Исламбул – «место, где торжествует ислам». Однако это опять-таки легенда. Правда, некоторые его так и зовут. Но люди образованные знают, что название Истанбол возникло из искаженных греческих слов. В переводе они означали «В город». – Он помолчал. – А какие истории вам рассказывал отец? Наверное, о смелых христианах, которых одолели коварные турки?

– Нет. Такого я от отца не слышал.

Молодой человек вздохнул:

– Мне думается, мораль любой истории зависит от характера рассказчика.

Эцио выпрямился. За время долгого плавания его тело достаточно отдохнуло, но боль в боку так и не прошла.

– Здесь я целиком с вами согласен, – сказал он.

Молодой человек улыбнулся тепло и искренне:

– Гюзель! Я рад! Костантинийе – город для всех народов и всех религий. Даже для византийцев, которые в нем остались. И для ученых вроде меня или… таких, как вы, путешественников.

Их разговор был прерван другим диалогом. Его вела молодая чета сельджуков, проходящих по палубе.

– Мой отец не желает мириться со всеми этими преступлениями, – говорил муж. – Если станет еще хуже, он просто закроет лавку.

– Все обойдется, – отвечала жена. – Быть может, султан скоро вернется.

Услышав об этом, муж язвительно засмеялся:

– Баязид слаб. Он предпочитает закрывать глаза на византийских бунтовщиков. А в результате мы видим сплошные каргаса!

– Тише, – шикнула на него жена. – Нельзя говорить такие вещи вслух.

– Это почему же? Я всего лишь говорю правду. Мой отец – честный человек, а это ворье его беззастенчиво грабит.

– Прошу прощения, что стал невольным слушателем вашего разговора, – сказал им Эцио.

Жена выразительно поглядела на мужа. «Вот видишь!» – будто говорил ее взгляд.

Однако молодой сельджук ничуть не смутился.

– Аффедерсиниз, эфендим. Вижу, вы путешественник. Если вы намерены пробыть в городе какое-то время, вас будут рады видеть в лавке моего отца. Его ковры – лучшие во всей империи. Он продаст их вам по достойной цене… Мой отец – хороший человек, но ворье почти разорило его.

Молодой сельджук сказал бы больше, но жена торопливо его увела.

Эцио и его ученый попутчик переглянулись. Молодому турку его слуга принес бокал шербета.

– А вы не желаете угоститься этим напитком? Очень освежает. Пока мы пристаем к берегу, вы еще успеете им насладиться.

– Не откажусь.

Молодой человек кивнул слуге, указав на Эцио. На палубе появилось несколько турецких солдат. Они возвращались с Южных Спорад и говорили о городе, где скоро окажутся. Поскольку Эцио интересовало все, связанное с Константинополем, он решил послушать их разговор. Юный турок достал свою изящную записную книжку и углубился в заметки.

– Я так и не пойму: чего добиваются эти византийские головорезы? – спросил один солдат. – Когда-то город был в их власти. И что? Они чуть не превратили его в развалины.

– Когда султан Мехмед вступил в город, там жило менее сорока тысяч людей. Правильнее сказать, прозябало, – подхватил второй.

– Айнен ойле! – воскликнул третий. – Совершенно верно! А посмотрите сейчас. В городе живет триста тысяч. Впервые за многие века город процветает. И в этом мы сыграли свою роль.

– Мы вернули этому городу силу. Мы заново его отстроили! – сказал второй солдат.

– Вот только византийцы упрямо не видят наших успехов, – с жаром добавил первый. – Им лишь дай где-нибудь нагадить.

– Простите, что вмешиваюсь, – сказал солдатам Эцио. – Как мне распознать византийцев, чтобы случайно на них не нарваться?

– Держитесь подальше от любых наемников в неказистых красных мундирах, – ответил первый солдат. – Это и есть византийцы. Для них облапошить чужеземца – милое дело.

Командир окликнул солдат, и они заторопились построиться перед сходом на берег. К Эцио вновь подошел молодой турок. Появился и его слуга, принесший шербет.

– При всей своей красоте Костантинийе отнюдь не самое совершенное место в мире, – сказал попутчик.

– А разве где-то есть такие места? – ответил Эцио.

17

Корабль подошел к причалу. Как всегда в подобных случаях, возникла толчея. Нашлись пассажиры, которым не терпелось поскорее сойти на берег. Они путались под ногами у матросов, которые сбрасывали причальные канаты – на берегу их ловили и ловко привязывали к тяжелым тумбам. После этого спустили сходни.

Эцио вернулся в каюту за вещами. Его имущество по-прежнему умещалось в двух седельных сумках. Все остальное он рассчитывал добыть на берегу. Слуга его молодого попутчика уже вынес на палубу три чемодана, обитых кожей. Теперь они ждали носильщиков. Настало время проститься с ученым юношей. Как всегда, тот вздохнул:

– Меня здесь ждет столько работы. И все равно приятно вернуться в родной город.

– Вы слишком молоды, чтобы беспокоиться о работе, ragazzo![15 - Юноша (ит.).] – Эцио вдруг заметил, как было трудно их рыжеволосой попутчице тащить

тяжелый мешок. Молодой человек тоже посмотрел в ее сторону. – В вашем возрасте меня в основном интересовали…

Зеленое платье красавицы явно не годилось для переноски тяжелых мешков и лишь стесняло движения. Женщина подняла голову, и ему показалось, что она взглянула на него.

– Salve! – поприветствовал ее флорентиец.

Но женщина его не услышала. Эцио вновь повернулся к своему попутчику. Молодой человек глядел на него с изумлением.

– Невероятно, – искренне сказал юный турок. – И как после этого вам удалось хоть чего-то добиться в жизни?

– Мою мать это тоже немало удивляло, – печально улыбнулся Эцио.

Наконец воротца планшира распахнулись, и толпа пассажиров заполнила сходни.

– Мне было приятно познакомиться с вами, бе-йефенди, – сказал молодой человек, поклонившись. – Надеюсь, в нашем городе для вас найдется немало интересного.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод М. Лозинского.

2

Празднуется 13 января.

3

Настоящее имя этого мореплавателя и картографа – Мухиддин Пири-бей. Окончание «реис» означает «адмирал».

4

Светлейшая (ит.) – название Венецианской республики.

5

Эфенди – титул и офицерское звание в Османской империи и некоторых других странах Востока в XV–XX столетиях. (Примеч. ред.)

6

Турки называли Белым морем часть Средиземного.

7

Дерьмо! (ит.)

8

Если бы! (ит.)

9

Мир праху твоему (лат.).

10

Прочь с моей дороги! (греч.)

11

Ублюдок (ит.).

12

Парусное судно, распространенное на арабском Востоке.

13

Я не удивлен (ит.).

14

Да, долго (ит.).

15

Юноша (ит.).

Купить: https://tellnovel.com/oliver-bouden/assassin-s-creed-otkroveniya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити